

КАРАИМСКИЕ

Karaite News • Къарай хабэрлер

ВЕСТИ

Выпуск посвящен памяти Сераи Марковича Шапшала (1873-1961)

СОДЕРЖАНИЕ
ПАМЯТНОГО НОМЕРА «КАРАИМСКИХ ВЕСТЕЙ» № 4 (102),
ПОСВЯЩЁННОГО С.М. ШАПШАЛУ

50 лет без Шапшала	3
С.М. Шапшал – учёный, дипломат, духовный лидер караимского народа	5
О генеалогическом древе Шапшалов	7
О военной службе Сераи Шапшала	10
Персидский период жизни Шапшала	11
Петербургский период жизни С.М. Шапшала	13
О дореволюционных почтовых открытках Шапшала	15
Шапшал о своем университетском профессоре Валентине Алексеевиче Жуковском	16
Турецкий период жизни Шапшала (отрывок из статьи польского профессора Стефана Гонсёровского)	18
Турецкий период жизни Шапшала (отрывок из статьи азербайджанского тюрколога Виляята Гулиева)	19
Воспоминания Людмилы Лопато	20
Встречи Шапшала в 30-е годы, представленные тремя фотографиями	22
Отрывок из книги Шимона Пилецкого о 70-лети Шапшала в 1943 г.	23
Эклибрис гахана	24
Письмо из Литвы (С. Юхневич о Шапшале)	25
О наградах и гражданских чинах Шапшала	26
Период фашистской оккупации в жизни Шапшала по статье В.Гулиева	28
О литовско-польском и советском периоде жизни С.М. Шапшала	29
Послевоенные поездки Шапшала	30
Воспоминания Т.С. Бабаджан	31
К.М. Мусаев «С гахамом Шапшалом»	33
Воспоминания О.В. Петрова-Дубинского «В гостях у Шапшала»	34
В.М. Дзевановский «Шапшал и его коллекции»	36
А.А. Бабаджан «Почтовые конверты с портретом С.М. Шапшала»	39
Р. Шпаковский «День памяти Шапшала в Литве»	40
Самые последние новости из Литвы (открытие мемориальной доски)	41

КАРАИМСКИЕ

Karaite News • Къарай хабэрлер

ВЕСТИ

Издается с 1994 г. Московским культурно-просветительским национальным обществом крымских караимов № 4 (102) ноябрь-декабрь 2011 года. Посвящен памяти профессора С.М. Шапшала.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ БЕЗ ШАПШАЛА

50 лет назад 18 ноября 1961 г. перестало биться сердце выдающегося караима XX столетия, четвертого Гахама караимов, известного востоковеда профессора Сераи Марковича Шапшала. Поэтому редколлегия «Караимских вестей» решила полностью посвятить этот выпуск памяти замечательного человека, учёного и духовного лидера караимов, так много сделавшего для науки и своего народа.

В этом номере читатель найдёт как новые статьи о Шапшале, так и уже печатавшиеся в различных изданиях, а также воспоминания о встречах с Сераей Марковичем. Текст богато иллюстрирован редкими фотографиями. Но начать этот памятный выпуск решено с повторной публикации уникальной автобиографии Сераи Марковича, ранее опубликованной в «Караимских вестях» №74 за апрель 2005 г.

Автобиография была написана Шапшалом в 1954 г. по просьбе академика А.Н. Коновалова, который работал над составлением Биобиблиографического словаря отечественных тюркологов. Словарь вышел в 1974 г. с биографией С.М. Шапшала. При сопоставлении текстов заметны, с одной стороны, сокращения, сделанные составителями словаря, но, с другой стороны, есть детали, отсутствующие в этих двух вариантах. Дело в том, что биография С.М. Шапшала публиковалась неоднократно в разные годы и в разных странах, однако, разумеется, всегда была неполной. Вариант, присланный в 1954 г. академику А.Н. Коновалову в Ленинград и публикуемый сегодня на страницах нашей газеты, безусловно, ценен тем, что был составлен самим профессором С.М. Шапшалом. Отдельные детали и выражения автобиографии ясно говорят о том, что она была написана в советское время и по тем жестким требованиям, которые предъявлялись тогда в СССР к биографиям всех советских граждан без исключения.

Разве Серай Маркович мог написать подробности о своей работе в Иране, где он был особо приближенным лицом Мохаммед-Али-шаха, или о своей дружбе с российским императорским домом, или о том, что в Евпатории в дни красного террора его хотели расстрелять именно советские комиссары. Будь написана эта автобиография в наши дни, она бы

Парадный портрет гахана Шапшала при орденах

содержала много других интереснейших фактов из долгой и активной жизни Сераи Марковича.

Одно перечисление государственных наград царской России и других государств, которые были пожалованы Шапшалу за особые заслуги, наверняка заняло бы целую печатную страницу. И лишь советской награды у него не было ни одной.

Поэтому редколлегия решила собрать в этом памятном номере «Караимских вестей» материалы, подробно освещающие те или иные факты и страницы биографии всем нам дорогого Сераи Марковича Шапшала. Редколлегия получила от наших читателей из Крыма, Литвы, России, Польши много интересных материалов с новыми сведениями, несколько малоизвестных фотографий и ещё не публиковавшихся воспоминаний о Серае Марковиче Шапшале, которые мы с удовольствием печатаем на страницах памятного выпуска нашего национального вестника.

«Автобиография проф. С.М. Шапшала»

Родился я в г. Бахчисарае (Крым) в семье садовода 8 мая 1873 г. По национальности являюсь караимом. Это - небольшая народность тюркского племени, потеряв свое племенное название, именуется ныне по своему вероисповеданию, распространенному, кроме Украины, также в Литве, Польше, Турции и Египте. Родным языком моей семьи был тюркско-караимский. Однако, отец мой, признавая необходимым изучение государственного языка, отправил меня в 1884 г. в Петербург. Здесь я поступил в Охтенское Ремесленное Училище, где, находясь среди русских детей, быстро научился русскому языку и, пристрастившись к чтению книг, проявил способность к дальнейшему учению, почему меня отдали и в гимназию, которую я окончил в 1894 г. и поступил в Петербургский Университет на факультет восточных языков. Окончив университет в 1899 г. с дипломом I степени, я был оставлен при Университете для приготовления к профессорскому званию. В январе 1901 г. Университет и Министерство Иностранных дел предложили мне ехать в Иран для изучения азербайджанского и персидского языков, воспользовавшись приглашением Иранского правительства преподавать русский язык и общеобразовательные предметы в училище Лукмание, в г. Тебризе. Здесь я давал уроки также молодому принцу Мохаммед-Али, впоследствии ставшему шахом. В Иране пробыл я до 1908 г. Вернувшись в Петербург, я занял в Университете должность лектора турецкого языка. Одновременно я работал в Министерстве Иностранных дел в качестве драгомана восточных языков, а равно преподавателя азербайджанского языка в Учебном отделении Министерства. Продолжая вести научную работу, я был избран членом Русского Археологического общества, членом Географического общества, товарищем председателя Общества Русских Ориенталистов и др.

В 1915 г. я был избран на духовно-административную должность гахама караимского, авторитету которого подчиняются караимы всего мира. Однако, занятый во время войны работой в МИД и в Морском Генеральном штабе переводом документов, найденных на торпедированном близ Одессы турецком крейсере Хамидийе, я только на короткое время приезжал в Крым, в г. Евпаторию, являющуюся местом пребывания гахама. Здесь я главным образом занимался улучшением состояния караимских начальных школ, собирая книги, рукописи и всякие материалы,

отображающие духовную и материальную культуру караимов, и создал в Евпатории «Карай-Битиклиги» - библиотеку, часть книг и рукописи которой, ввиду их ценности впоследствии были переданы в Ленинград - в Институт Востоковедения Академии наук СССР.

В марте 1919 г., находясь в Крыму и преследуемый денкинцами за свое открытое сочувствие Советскому строю, я был вынужден во избежание ареста выехать на Кавказ, а оттуда в Турцию (Иstanbul), где, служа переводчиком в банке, занимался научной работой по своей специальности.

В 1928 г. я прибыл по приглашению в Польшу (г. Вильнюс), где, возглавляя караимское духовенство, одновременно занимался преподавательской деятельностью. В 1939 году я был избран Филологическим факультетом Вильнюсского университета экстраординарным профессором по кафедре восточных языков. С 1929 г. состою членом-сотрудником Польской Академии Наук. В 1928 г. был избран членом, а в 1935 г. вице-председателем Польского Общества Ориенталистов. В 1930 г. Львовский Университет присудил мне степень доктора философии по разряду восточных языков. Список моих научных трудов на различных языках при сем отдельно прилагаю.

Став с 1940 г. на путь советского ученого, я отказался от должности гахама, что официально подтвердил пред Уполномоченным по делам религиозных культов при Совете Министров Лит.ССР в 1945 г. Находясь в 1928 г. в Вильнюсе и работая над историей караимов, я собирал предметы материальной культуры этого народа, равно как и соответствующую литературу. Собранные экспонаты, рукописи и книги, с восстановлением в Литве советского строя в 1940 г. я принес в дар Государству, образовав, таким образом, Караимский Историко-Этнографический Музей, который вошел в феврале 1941 г. в систему Академии наук Лит.ССР. Материалами Музея широко пользовались как местные научные работники, так и приезжие из других мест, иногда и специально командированные. С 1947г. я состою старшим научным сотрудником Института Истории Академии наук Лит.ССР, разрабатывая вопросы из области востоковедения, причем ряд статей сдал в институты АН СССР и они появились в печати.

С 1941г. состою членом Профсоюза Работников Высших Школ и Научных учреждений.

г. Вильнюс, 22 апреля 1954г. С. Шапшала»

**С.М. ШАПШАЛ – УЧЁНЫЙ,
ДИПЛОМАТ, ДУХОВНЫЙ ЛИДЕР
КАРАИМСКОГО НАРОДА
К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ**

Имя Серай Марковича Шапшала хорошо знакомо всем крымским караимам. Один из известнейших караимов XX столетия, он был учёным-востоковедом, тюркологом, дипломатом, общественным деятелем, духовным лидером крымских караимов. Научное наследие С.М. Шапшала, в особенности его серьёзные исследования караимского языка, истории, культуры и религии караимов, не потеряло своей актуальности и внимательно изучается современным поколением востоковедов, тюркологов, лингвистов. Его имя и сегодня часто упоминается в различных отечественных и зарубежных публикациях.

Серай Шапшал прожил долгую, насыщенную многими событиями жизнь. Бурная эпоха первой половины XX века неизменно отражалась на его жизни резкими судьбоносными поворотами. Условно биографию Шапшала можно разделить на несколько чётких временных этапов: 1). Детство в Крыму и учёба в мидраше (1873-1884); 2). Переезд в 1884 г. в Санкт-Петербург и учёба в Охтинском ремесленном училище (два года), в частной гимназии Гуревича (восемь лет) и в Санкт-Петербургском университете на отделении восточных языков (пять лет); 3). Служба в армии в Бахчисарайском резервном полку (1899-1900); 4). Работа в Персии при наследнике престола, а затем

шахе Мохаммеде-Али (1901-1908); 5). Возвращение в Санкт-Петербург и преподавание в университете и в министерстве иностранных дел, большая общественная и научная работа (1908-1917); 6). Избрание в 1915 г. в Крыму высшим духовным лицом (гахамом) крымских караимов и военные годы Первой мировой и Гражданской войны, проведённые в Крыму (1915-1919); 7). Иммиграция и работа в Турции (1919-1928); 8). Избрание в 1927-м году гахамом литовско-польских караимов, переезд в Вильнюс и преподавательская работа в Польше (1928-1939); 9). Начало Второй мировой войны, присоединение Литвы к СССР и отказ Шапшала от духовного сана (1939-1941); 10). Годы фашистской оккупации и спасение Шапшалом караимского народа от геноцида (1941-1944); 11). Научная работа в Институте истории Литовской ССР, получение профессорского звания и пенсии в 85 лет, создание Караимского историко-этнографического музея караимской истории и культуры в г. Тракай (1944-1961).

Серай Маркович Шапшал был активным человеком и учёным, общественным и религиозным деятелем, принёсшим много пользы своей стране и караимскому народу. Его судьба была неразрывно связана с историческими событиями таких государств как Российская империя, Персия (современный Иран), Турция, Польша, Литва, Германия, СССР. В данной статье невозможно рассказать подробно обо всех жизненных этапах, делах и перипетиях судьбы Шапшала – об этом надо писать отдельную большую книгу. Многие события его жизни стали легендой. И здесь не приходится удивляться: жизнь легендарной личности, а таковой в полной мере являлся Серай Шапшал, всегда сопровождают легенды и мифы. Рассказы о различных моментах его жизни передаются караимами из уст в уста, кочуют из одной статьи в другую и чаще всего – без документального подтверждения и с различными интерпретациями и искажениями.

Поэтому здесь хотелось бы остановиться на некоторых типичных ошибках, особенно заметных для читателей, хорошо знающих биографию Шапшала.

Одна из самых последних ошибок связана с подписью к семейной фотографии Шапшалов, напечатанной в караимском журнале AWAZYMYZ («Наш голос»), издаваемом польскими караимами. В подписи ясно сказано, что Серай Шапшал, его брат Мошак и сёстры сидят со своей матерью Акбике. На самом же деле известно, что Серай был последним, 12-м ребёнком в семье, родился 21-го (8-го по ст. стилю) мая 1873 г., во 2-ом браке отца, когда тому уже исполнился 61 год. Через 9 месяцев после рождения Серай его мама Акбике-Тоты (урожд. Казас из Перекопа) умерла. На фотографии же изображена старшая сестра Серай, тоже Акбике, которая старше его на 35 лет. Также у некоторых авторов варьируется и количество его братьев и сестёр (например, 4 брата и 4 сестры). Возможно, кто-то из детей Марка умер в детстве или позже. Нам это не

известно.

Ещё одна, но уже старая и часто встречающаяся ошибка, которая давно кочует из издания в издание, связана с целью поездки Шапшала в Персию. Из статьи в статью, из книги в книгу авторы утверждают, что в Персии он был воспитателем, а кто-то прямо пишет, гувернёром, наследника шахского престола Мохаммеда-Али, нисколько не задумываясь, в каком же возрасте был принц и нужен ли ему был воспитатель. Обычно следовало предположение, что Мохаммед-Али был ещё ребёнком лет 8-10, что и подтверждалось моим опросом караимов старшего поколения. На самом же деле наследнику было уже 28 лет, он был женат, имел двух малышей и по традиции управлял провинцией Иранский Азербайджан, откуда происходила Каджарская династия шахов. В начале XX века присутствие России в северном Иране было особенно сильным. Царское правительство, используя финансовые, торговые, военные, дипломатические и иные рычаги, оказывала большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику шахского двора в Тегеране и его наместника в Тавризе. Поэтому вполне естественным выглядело желание наследника учить русский язык, для чего и был приглашён из Петербурга Серая Шапшал – знаток персидского, а также азербайджанского, турецкого и других тюркских языков. Найденные автором в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ при МИД РФ) документы свидетельствуют о том, что Мохаммед-Али по приезду Шапшала в Тавриз заключил с ним сначала временное годовое соглашение, которое через полгода переписали в трёхгодичный договор, а затем и в 10-летний контракт. Таким образом, Шапшал в течение всех лет пребывания в Персии неотлучно находился при Мохаммеде-Али, но отнюдь не как воспитатель, а в должности учителя и советника. И когда тот после смерти отца короновался 10 января 1907 г. на шахский престол, Серая Шапшал, уже получив титул Эдиб-ус-Султана (Учителя Правителя) и пост министра Двора вместе со званием почётного генерал-адъютанта, организовал всю церемонию коронации. И тогда впервые на неё были приглашены благодаря Шапшалу дипломаты и журналисты.

Здесь следует указать ещё на одну более редкую ошибку, когда пишут, что Шапшал был в Персии разведчиком. Это совершенно не соответствующее действительности утверждение никак не подтверждается документами. Да, в силу своих выдающихся человеческих и дипломатических качеств он стал другом семьи как Мохаммеда-Али, так и российского посланника в Персии Н.Г. Гартвига. И документы подтверждают, что Шапшал был доверенным лицом обоих. Естественно, что в силу своего высокого положения при шахе он обладал всей конфиденциальной информацией, каковую и передавал российскому посланнику по долгу российского подданного и патриота России.

Также грубой ошибкой и преднамеренной инсинуацией с целью очернить Серая Шапшала

является утверждение определённых антикараимски настроенных «учёных», что он якобы подавил иранскую революцию и запятнал свои руки кровью невинных жертв. Эти грязные измышления лишены всякой логики. Конечно, Шапшал находился рядом с шахом во время драматических кровавых событий 1907-1908 г.г. в Тегеране. К примеру, в феврале 1908 г. во время покушения на жизнь Мохаммеда-Али, когда террористы бросили бомбы в карету шаха и убили несколько человек, Серая Шапшал находился рядом и, рискуя собой, буквально спас шаха от гибели, за что получил потом высший орден Персии Тимсал 1-ой степени. В июле этого же года конституционалисты подняли в столице антишахское восстание и Мохаммед-Али естественно принял решение силой подавить их выступление. Кстати, ровно 85 лет спустя точно также поступил в Москве президент России Борис Ельцин. Шапшал, можно предположить, находился в свите шаха, но тот сам, в силу своего жёсткого характера, не колеблясь отдал приказ командиру Персидской казачьей бригады русскому полковнику Ляхову применить оружие и даже артиллерию против восставших. Это было жестокое решение, но таков был шах и в подобных ситуациях он ничьих советов не слушал. А подавили иранскую революцию уже в самом конце 1911 г. как английские войска (на юге страны), так и российские (на севере), когда ни Шапшала, ни даже Мохаммеда-Али, которого свергли в 1909 г., давно уже в Тегеране не было. Автором не было найдено каких-либо документов о причастности Шапшала к военным операциям шаха против восставших. Да их и не могло быть, а сочиняли такую гнусную ложь 100 лет назад разрушители государственных устоев - революционеры, эсеровские писаки, которым были ненавистны все, кто верой и правдой служил Отечеству и престолу, был истинным патриотом своей Родины.

Общеизвестно, что у любой общественно значимой, деятельной личности всегда найдутся завистники и скрытые враги. Особенно они начинают усердствовать, когда человек уже ушёл из жизни и не может защитить своё честное имя. Шапшал подвергался нападкам всегда и за свои убеждения и научные изыскания, и за верное служение стране и преданность караимам, и за уважение и покровительство властителей. Но особенно усердствуют его враги сегодня спустя столетия со дня его смерти.

Неслыханно чудовищную ложь антикараимские злопыхатели сочиняют о якобы тесном сотрудничестве Шапшала в годы Великой Отечественной войны с гитлеровскими оккупационными властями. Действительно, Серая Маркович, проявив поразительную дальновидность, ещё в 1930-е годы во имя спасения своего караимского народа доказывал тюркское происхождение крымских караимов, а в начале 1940 года, когда нацисты развернули масштабное уничтожение евреев в оккупированной Польше, срочно отправился с документами на руках в Берлин в ведомство восточных территорий Розенберга и добился-таки

выдачи ему «охранной грамоты» для всех караимов. Также, спасая свой народ, он вынужден был как духовный лидер караимов периодически контактировать с немецкими властями, все три года оккупации Литвы защищая своих соплеменников от геноцида и спасая музейные ценности от разграбления фашистами. И тому есть много свидетелей. Но идеологические враги караимского народа (а таковые появляются с завидным постоянством: достаточно почитать журнал «Лехаим» и др. источники) представляют такие контакты Шапшала с представителями оккупантов как предательство. Но почему тогда после освобождения Литвы советские власти не привлекли Шапшала за подобное «преступное предательство»? Да потому что Серая Шапшал никогда не предавал ни своей страны, ни своих соплеменников, он лишь в силу своего особого положения защищал и помогал людям всем, чем мог, в те суровые тяжелейшие годы.

В заключение хочется обратить внимание ещё на одно небольшое, но типичное заблуждение караимских и др. авторов, слишком часто по поводу и без такового употребляющих имя Шапшала с титулом «хан», т.е. многие пишут Хаджи Серая хан Шапшал. Дело в том, что этот титул Шапшал получил ещё в Персии к своему 30-летнему юбилею за заслуги перед шахским престолом. Надо отметить, что ханский титул в Персии того времени мог получить практически любой человек. У автора на руках имеется любопытный документ, в котором МИД России интересуется у Посланника в Тегеране, как получилось, что студент 4-го курса Лазаревского института восточных языков имярек такой-то вернулся после практики в Персии с титулом хана. В своём ответе Посланник успокаивает МИД и пишет, что не стоит обращать внимание на этот титул, поскольку в Персии его часто и легко получают по знакомству или покупают за деньги. И Шапшал никогда в России не упоминал о своём ханском титуле, поскольку по российскому законодательству его могли носить и иметь при этом определённые привилегии только потомки крымских, бухарских, хивинских ханов, т.е. наследники правителей вошедших в состав России территорий. И Шапшал только через многие

годы вспомнил про фирман (указ), свидетельствующий о присвоении ему персидским шахом ханского титула, когда в предвоенной Европе он, обуреваемый тяжёлыми предчувствиями, ездил в Берлин доказывать тюркское происхождение караимов. Здесь-то ко всему прочему и пригодился его ханский титул. Но после войны Шапшал уже никогда не упоминал этот, ставший совершенно бесполезным, титул, тем более, что у караимов никогда не было ханов. Конечно, можно трактовать сей титул сокращением от гахана и переводить на русский как правитель или предводитель. Но опять же при советской власти Шапшал был вынужден сложить с себя полномочия гахана и слово хан осталось только лишь на экслибрисе личной библиотеки Шапшала, который был изготовлен в Польше в тревожные предвоенные 30-ые годы XX-го столетия. К тому же, Серая Маркович никогда не кичился и не хвастался своими званиями, титулами, чинами и наградами.

По мнению автора, гораздо правильнее и уместнее было бы упоминание имени Сераи Марковича с его учёным званием – «профессор С.М. Шапшал», (но не академик, как пишут уже некоторые несерьёзные авторы), потому что во все годы и во всех странах он прежде всего оставался серьёзным авторитетным учёным. С этим почётным для любого учёного званием Серая Маркович Шапшал и закончил свой жизненный путь 18 ноября 1961 г. на 89-м году жизни. Его прах покоится на караимском кладбище Вильнюса. На скромном памятнике начертана короткая и ёмкая фраза: «Он посвятил жизнь науке и своему народу». Лучше не скажешь.

Серая Маркович Шапшал оставил после себя множество трудов по караимике, востоковедению и языкознанию, уникальный Этнографический музей караимской истории и культуры в литовском городе Тракай и светлую память в сердцах всех, знавших его. А знают и помнят его во многих уголках нашей большой планеты как одного из самых замечательных сыновей древнего караимского народа. А вечная народная память и есть лучшая награда нашему дорогому незабвенному Серае Марковичу Шапшалу.

О.В. Петров-Дубинский (Москва)

О ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ ДРЕВЕ ШАПШАЛОВ

Серая Маркович Шапшал происходит из старинной патриархальной караимской семьи. Родоначальником этой семьи является Альянах Шапшал Мошака, родившийся в 20-х гг. XVIII века в караимской крепости Чуфут-Кале, в царствование Менгли-Гирей-хана II. Воспоминания, сохранившиеся о нем, рисуют его как лихого наездника, владельца большого табуна лошадей и крупных усадеб с виноградниками и фруктовыми садами, расположенных по долинам реки Альмы.

Старшему из своих сыновей - Марку, родившемуся в 1742(43) г. при Селамет-Гирей-хане, он дал скромное богословское образование, единственно

доступное в то время. Семейная хроника рисует Марка человеком кротким, богобоязненным и до святости набожным. Получив ученую степень “эрби”, он всецело посвятил себя службе при кенасе и умер в должности старшего шамаша соборной кенасы в Кале, дожив до глубокой старости.

От него осталось несколько сыновей, среди которых младшим был Моисей, известный впоследствии под именем Хаджи-Баба Альянах Шапшал. Хаджи-Баба родился в Кале в 1772 г. при Салиб-Гирей Хане. У Хаджи-Баба, уже при русском владычестве, в 1812 г. родился старший сын, названный в честь своего благочестивого деда Марком.

Портрет Марка - отца Серая Шапшала - работы Бориса Эгиза

В 1846 г. Хаджи-Баба с семьей и уже женатым сыном Марком спустился с Кале и окончательно поселился в Бахчисарае. Хаджи-Баба Шапшал совершил паломничество в святой град Иерусалим (что и дало ему звание Хаджи) и пользовался среди караимов большим почетом и уважением как за свою благочестивую жизнь, так и за щедрую благотворительность. В годовые праздники весь джамат по окончании службы в кенесе сначала заходил в дом Хаджи-Баба Шапшала, а затем уже каждый из них расходился по своим домам или шли к своим родственникам. Он занимал исключительное положение среди караимов и нередко замещал гахама Хаджи Бабака Бобовича, выступая представителем крымских караимов в различных торжественных церемониях. Хаджи-Баба умер в 1868 г. в преклонном возрасте - 96 лет. Он никогда не болел и до смерти сохранил такую бодрость, что за две недели до своей кончины съездил верхом в свою усадьбу при селении Аталах-Эли, в 11 верстах от Бахчисарая и вернулся в тот же день, отдав хозяйственные распоряжения своему управляющему и рабочим. Будучи дважды женатым, он имел 18 детей. Останки его, согласно выраженному им желанию, были доставлены на кладбище на плечах его сыновей, зятьев и внуков.

Эпитафия на смерть его была сочинена Хаджи-Баба Фирковичем, который высказался в том смысле, что со смертью этого старца пал самый твердый столп, на котором держалась община. Долго еще после его смерти,

как это было и при его жизни, все караимские женихи Бахчисарая во время венчания надевали на голову "каву" Хаджи-Баба Шапшала, считая, что будущая их семейная жизнь будет протекать как жизнь этого старца в почете, богатстве и среди многочисленного потомства.

Хаджи-Баба Шапшал, следовательно, был дедом гахама Серая Шапшала, являющегося в свою очередь сыном старшего сына этого старца - Марка, родившегося, как уже сказано, в 1812 г. Марк Шапшал провел половину жизни в своей усадьбе при селении Ойсунки, земли которого граничили с Аталах-Эли. Марк Шапшал принимал деятельное участие в жизни бахчисарайской общины, будучи долгие годы габбаем. В молодые годы он был сподвижником Хаджи А. Симы Бобовича, входя в его знаменитый конный взвод, который встречал и сопровождал императора Николая I во время его поездки по Крыму. М. Шапшал был внесен караимскими общинами Крыма в 1879 г. в список кандидатов на вакантный пост гахама (после Хаджи Бабака Бобовича). Кандидатов было еще двое - С.М. Пампулов и И. Джигит. Марк Шапшал сразу же отказался выставить свою кандидатуру, ссылаясь на старость и незнание русского языка. Ему было тогда 67 лет и избранным оказался С.М. Пампулов. Умер М.М. Шапшал в Симферополе в 1894 г. на 87-м году жизни и похоронен в "Иосафатовой долине", при Чуфут-Кале.

Серая Маркович Шапшал был самым младшим среди двенадцати детей покойного и родился в Бахчисарае 21 (8) мая 1873 г.

Из книги: Кефели В.И. Караимы. Пуцино. ОНТИ Пуцинского научного центра РАН, 1992, 96 с. (с. 49-51).

Серая Шапшал - первокурсник, 1894 г.

Отредколлегии добавим, что у Серая Шапиала было 11 братьев и сестёр. За отсутствием точных дат рождения, расположим их имена в алфавитном порядке: Акбике, Алтынта, Багива, Борис, Марьям, Мошака, Соломон, Татьяна, Ханьшита, Эстерта, Юфуда и сам Серая. Среди них были и многодетные и бездетные, но никто уже не имел столько детей, как их дед Моисей Шапиал. У самого Серая Марковича детей не было.

В наше время потомки многочисленного рода Шапиалов разбросаны по всему миру и носят самые различные фамилии. Это и караимские Ормели, Аппак, Айваз, Кефели, Дубинский, Мичри, Эринчек, Кальф-Калиф и многие другие некараимские. За рубежом фамилию Шапиал можно встретить в Голландии, Швейцарии, Англии, Израиле и даже в Канаде, где живут с родителями 4 тридцатилетних брата Николай, Денис, Иван и Степан Шапиалы. «Раскидистое» генеалогическое древо Шапиалов пока ещё далеко не полное и терпеливо ждёт своих исследователей. К этому знаменитому роду принадлежит много известных караимов, удивительные биографии которых достойны отдельного описания. Буквально на днях автору этих строк пришлось увидеть фамилию Шапиал в самом неожиданном месте в центре Москвы. Будучи с караимами на экскурсии в фонде

Шапиалу 22 года, в национальной одежде, 1895 г.

Серая Шапиал с братом и сёстрами в студенческие каникулы в Симферополе, 1896 г.

Серая Шапшал - старшекурсник Петербургского университета

частных коллекций Государственного музея изящных искусств им. А.С. Пушкина и знакомясь с перечнем имён дарителей, чьи коллекции составили интересную и разнообразную экспозицию музея, мы внимательным «караимским взглядом» тут же увидели строчку: наследие Я.Ф. Шапшала. Яков Фёдорович – племянник Сераи Шапшала был страстным коллекционером и сегодня его необычное наследство радует истинных почитателей и ценителей настоящего искусства в

одном из крупнейших музеев России. Но это уже тема для отдельного рассказа. Здесь же мы лишь добавим, что главный редактор «Караимских вестей» Олег Петров-Дубинский имеет честь также принадлежать к славному роду Шапшалов. Достопочтенный Хабджи-Баба Шапшал является его прапрадедом. Одна из внучек Моисея Шапшала Софья Ароновна Шапшал тоже родилась и росла в Бахчисарае, а потом в Симферополе. Замуж она вышла за Самсона Натановича Дубинского и похоронена на Балта Тиймез в Иосафатовой долине. Она была двоюродной сестрой Сераи Марковича и на 12 лет младше его. Он любил малышей, и всегда по приезде из Петербурга в Крым привозил всем, и любимой кузине в том числе, столичные подарки. А в 1918 г. уже в должности гахама он освящал их брачный союз с Самсоном Дубинским. Это были будущие бабушка и дедушка Олега, который стал их единственным и горячо любимым внуком.

В заключение скажем, что редколлегия «Караимских вестей» планирует в своих будущих номерах печатать рассказы о потомках древа Шапшалов, обо всех, кого мы знаем сегодня и о ком ещё не имеем достаточно сведений. Поэтому редколлегия вестника обращается к своим читателям присылать нам любую информацию о Шапшалах (биографии, фотографии, координаты и т.п.), которых они знают лично или о которых слышали от других.

О.В. Петров-Дубинский

О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ СЕРАИ ШАПШАЛА

Большинство авторов многочисленных описаний жизненного пути С.М. Шапшала упускают такой немаловажный, на наш взгляд, факт как служба молодого Сераи в российской армии. Оказывается, в Российской империи, как и сегодня в России, окончившие университет и другие высшие учебные заведения тут же призывались в звании младших офицеров на годичную службу в рядах российской армии. Вот и Шапшал, окончив в 1899 г. с отличием Петербургский университет и получив предложение остаться на кафедре восточных языков для преподавательской работы, в то же время получил и повестку от призывной комиссии. ... И поехал Серая Шапшал служить на свою малую родину в Крым, поскольку получил чин младшего унтер-офицера и назначение в 212-й Бахчисарайский резервный батальон, дислоцировавшийся в Симферополе. В биографическом очерке о Шапшале А. Кальфа описал любопытный случай с принятием воинской присяги новобранцами. На торжественном построении по очереди вызывали всех присягавших в соответствии с их вероисповеданием. Сначала вызвали лиц православного вероисповедания, потом лютеранского, затем мусульманского. Каждого подводили для принятия присяги к соответствующему священнослужителю. И в конце концов в строю остался один Шапшал. «А Вы – кто? Язычник?» - спросили

его. «Нет, я караим». Но т.к. караимского газзана не пригласили, то Серая Шапшал присягал, прикоснувшись к полковому знамени.

Отслужив один год, Шапшал с 1 октября 1900 г. и по 1913 г. числился в запасе по г. Санкт-Петербургу. Однако периодически он должен был проходить учебные сборы. Но поскольку Шапшал вскоре оказался в Персии, он вынужден был уже 15 декабря 1901 г. обратиться в 1-й департамент МИДа с просьбой об отсрочке прохождения лагерных сборов. И судя по архивным документам, в январе 1902 г. Военное министерство предоставило ему такую отсрочку. А через три года этот вопрос был окончательно решён секретным письмом от 15.03.1905 начальника Главного штаба министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу «Об освобождении младшего унтер-офицера запаса армейской пехоты Серая (он же Сергей) Шапшала от призыва в учебные сборы на всё время, пока он будет состоять преподавателем русского языка при наследнике персидского престола принце Мохаммеде-Али-мирза».

По возвращении осенью 1908 г. в Россию С.М. Шапшал, скорее всего, вновь встал в Санкт-Петербурге на воинский учет. Но вот призывался ли он в те годы на учебные сборы, нам это не известно.

О.В. Петров-Дубинский

Серая Шапшал в персидском летнем мундире

ПЕРСИДСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ СЕРАИ ШАПШАЛА 1901 – 1908 г.г.

Об этом важнейшем в жизни Шапшала периоде до последних лет было известно очень мало подробностей. Даже в 1-ом томе «Караимской народной энциклопедии», изданном в 1995 г., в биографии Шапшала этому судьбоносному периоду его жизни уделено всего 20 строчек и то с ошибками. И это не удивительно, поскольку даже сам Шапшал в автобиографии посвятил своей сверхответственной работе в Персии всего несколько слов (см. начало данного сборника). Разве мог он в советское время рассказывать о том, как в начале XX века защищал интересы царской России на одном из её важнейших рубежей – в шахской Персии? И был он там не «рядовым бойцом», а самым приближенным к Мохаммед-Али-шаху лицом и мог непосредственно влиять на политику Персии в нужном для России направлении.

Но сегодня столетие спустя вновь вспыхнул интерес к неординарной личности Шапшала и многие важные страницы его биографии постепенно стали обрастать подробностями. Изучались архивные материалы и дореволюционные издания, собирались воспоминания современников Сераи Марковича, его фотографии столетней давности. И отделялись «зёрна от плевел». Не секрет, что у Шапшала было немало врагов. Это прежде всего были англичане, которые противодействовали устремлениям России в Персии и всеми способами старались дезавуировать Шапшала, в котором видели в тот период одного из своих главных врагов. Это и революционеры всех мастей, всеми способами расшатывавшие устои государства и развернувшие в стране охоту за преданными престолу и России людьми, убившие Столыпина, других известных государственных деятелей и готовившими покушение

Здание генконсульства в Тавризе нач. XX века, в котором Шапшал бывал по долгу службы

на Шапшала. Но что удивительно, и сегодня у Сераи Марковича имеется немало врагов (именно врагов, а не оппонентов в научных вопросах), которые всячески пытаются очернить его доброе имя, вытаскивая на свет все грязные инсинуации врагов Шапшала столетней давности. Не будем про них сегодня говорить, хотя их имена хорошо известны караимам, которые во все времена боролись и будут бороться за доброе имя своего духовного лидера, известного учёного и одного из лучших караимов XX-го столетия.

Персидский период в жизни С.М. Шапшала был достаточно подробно изучен О.В. Петровым-Дубинским ещё в 2003 - 2005 г.г. по архивным документам, специальной литературе и другим материалам. В Архиве внешней политике Российской империи (АВПРИ) при МИД РФ были найдены тогда уникальные документы, непосредственно касающиеся Шапшала, многие из которых были прежде засекречены. По результатам исследования была написана многостраничная работа,

Серая Шапшал с Мохаммедом-Али и его сыном, Тавриз, 1904 г.

С.М.Шапшал - персидский генерал-адъютант.
Парадный портрет. Тегеран 1908г.

снабжённая уникальными фотографиями, которая была напечатана в России, США и Украине. Статья называлась так же, как и архивное дело Шапшала, «С.М. Шапшал (Эдиб-Ус-Султан) – учитель валиахда Мохаммеда-Али, генерал-адъютант Мохаммед-Алишаха» и была напечатана в следующих изданиях: 1. РАН, Институт востоковедения, Институт Африки, журнал ВОСТОК (ORIENT), № 5 (сентябрь-октябрь), 2007, Москва, «Наука», с. 64 – 78; 2. Международный институт крымских караимов, журнал КАРАИМИКА, выпуск 4, 2007, Симферополь, Украина – Слипери Рок, США, с. 8 – 24; 3. Ассоциация крымских караимов «Крымкарайлар», Крымский университет культуры, искусств и туризма, Святыни и проблемы сохранения этнокультуры крымских караимов-караев, материалы научно-практической конференции (Симферополь – Евпатория – Джукф Кале, 14-16 сентября 2007 г.), Симферополь, 2008, с. 162 – 182.

Данную статью, большинство караимов видело и читало, тем более, что в сокращённом варианте эти материалы печатались и в «Караимских вестях» № 6 (87) за 2008 г., когда Петров-Дубинский под впечатлением

поездки в Иран по «шапшаловским» местам столетней давности, написал большую интересную статью о Тебризе и Тегеране, проиллюстрированную многочисленными фотографиями и подробным рассказом о работе С.М. Шапшала в Персии в 1901 - 1908 г.г.

Главная заслуга указанных выше статей заключается в том, что были подробно описаны на документальной основе отношения с валиахдом, т.е. наследником престола, а затем шахом, конкретизированы отдельные этапы многогранной деятельности Шапшала и его заслуги перед российским государством, развеяны многие мифы, легенды и домыслы о его службе в Персии. Правда, пара легенд, не подтверждённых документально, всё же попала в материал, хотя они в своё время тоже были опубликованы в открытой печати со ссылкой на самого Шапшала или его родственников.

Поэтому в данном памятном номере «Караимских вестей» редколлегия вестника решила не описывать персидский период его долгой жизни, а лишь поместить несколько фотографий, относящихся к этому важнейшему для дальнейшей карьеры жизненному этапу Сераи Марковича Шапшала.

Редколлегия вестника «Караимские вести»

Получено 20 Мая 1908. 6/2 в Тегеране

*Генерал-адъютант
Михаилу Петровичу
Шапшалу
Мне совершенно неизвестно
какую и где кем вы служили в Персии
Слово же пришло из-за некоего
ратификатора. У Ахмед-Алишаха си-
мферопольского князя, который
князь (во любви с Ахмедом)
и другие кадры. Шапшалов
Шапшал, дураком был назван его
коллегой. Ратификатор же
наименован "Сам", а за ним и другие
Видимо, не знаю все, что было в
Ратификаторе Шапшала
С. Шойманов*

Записка-автограф Шапшала, Тегеран, 1908г.

Серая Шапшал с родными после возвращения из Персии, Чуфут-Кале, 1908 г.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ С.М. ШАПШАЛА 1908 – 1917 г.г. ВЫБОРЫ НА ДОЛЖНОСТЬ ГАХАМА И РАБОТА НА ЭТОМ ПОСТУ

По возвращении в Россию осенью 1908 г. Серая Шапшал удостоился аудиенции у императора Николая II, который расспрашивал его о делах в Персии. Вскоре он начал преподавать азербайджанский язык на курсах при МИДе. Весной 1909 г. Шапшал был единогласно избран лектором по кафедре турецкого языка в Петербургском Университете, каковую должность он и занял в осеннем семестре 1909 г., будучи одновременно зачислен на службу в Министерство Иностранных Дел, а в следующем 1910 году — преподавателем в Учебное Отделение Восточных языков при том же Министерстве.

В январе 1910 года было учреждено в Петербурге Общество Русских Ориенталистов, куда действительными членами принимались лишь лица, окончившие курс наук на факультете восточных языков Петербургского Университета, Московского Лазаревского Института Восточных языков и Владивостокского Дальневосточного Института. В виде исключения принимались люди, посвятившие себя изучению восточных стран, или ученые публицисты из среды мусульманских инородцев России. Общество Русских Ориенталистов имело две секции: Ближнего и Дальнего Востока. Секция Ближнего Востока занималась изучением преимущественно мусульманских стран, а Дальнего Востока — Монголии, Китая и Японии. Общество имело свой орган «Восточный Сборник». В этом Обществе С.М. Шапшал был до конца неизменным председателем секции Ближнего Востока и товарищем Председателя всего Общества, редактируя соответствующую часть и самого органа Общества — «Восточный Сборник».

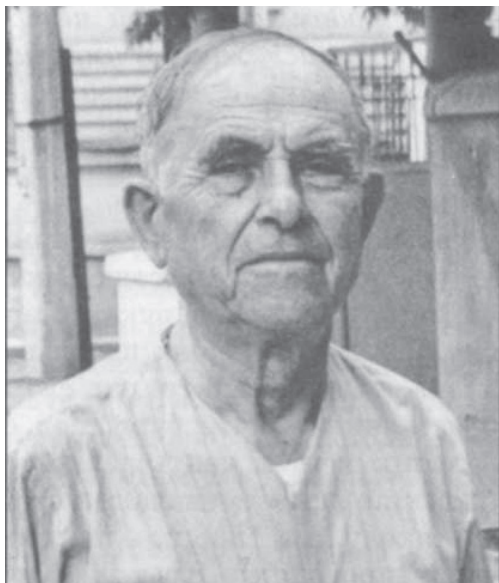
Последовательно С.М. Шапшал был избран также и действительным членом Общества Востоковедения, Географического общества (по отделу этнографии), Восточного отделения Археологического общества, Таврической Ученой Архивной комиссии и др.

В 1911 г. после смерти блаженной памяти высокопоставленного Гахама Ромуальда Кобецкого С.М. Шапшал был единогласно избран на вакантную кафедру Троцкого Гахама и, несмотря на неоднократные письма покойного Ст. газзана Богуслава Фирковича, не решился по молодости лет занять столь ответственный духовный пост, совершенно не считая себя подготовленным для этой деятельности.

Покойный Крымский Гахам С.М. Пампулов ценил и выдвигал С.М. Шапшала, постоянно советуясь с ним во время своих приездов в столицу по делам караимов и во время периодических приездов С.М. Шапшала в Крым. Такое отношение покойного С.М. Пампулова к нему не было случайным. Престарелый Гахам оценил С.М. Шапшала, когда тот ещё был гимназистом. Старик следил за его развитием и радовался тому, что молодой человек проявляет особый интерес к караимской старине, равно как к культурным и материальным памятникам караимского народа. В 1895 г., когда ещё молодой человек учился на 1-м курсе Университета, С.М. Пампулов поручил ему составить описание караимской крепости, предпослав ему в виде введения краткие сведения о караимах. Работа эта была выполнена С.М. Шапшалам и труд издан иждивением Караимского Духовного Правления в 1896 г. в С.-Петербурге под заглавием «Караимы и Чуфут-Кале в Крыму». Работая постоянно в Публичной Библиотеке в Петербурге и объезжая караимские центры России и общины за границей, С.М. Шапшал собрал большой материал, который он по временам печатал, выступая иногда в периодической печати, когда было необходимо дать отповедь врагам своего народа, если

С.М. Шапшал с племянницей - гимназисткой, Симферополь, 1910 г.

Портрет Семёна Михайловича племянника Гахама

того требовали обстоятельства. Народная молва уже давно прочила его в заместители С.М. Пампулова. В 1911 г. на 80-м году жизни скончался всеми уважаемый С.М. Пампулов. Пошли долгие споры, кому быть Гахамом. Из Крыма неоднократно приезжали делегации и отдельные лица уговаривать С.М. Шапшала выставить свою кандидатуру и этим положить конец распрям и неурядицам, но никакие уговоры не могли склонить его к принятию ответственной должности. Наконец, в 1913 г. был избран Председатель Совета Присяжных, Поверенный при Симферопольском Окружном Суде Ш.В. Дуван, который хотя и дал первоначально свое согласие на баллотировку, но по избрании отказался, сославшись на свой преклонный 75-летний возраст.

Тянулись долгие годы со смерти С.М. Пампулова, в народе замечалось нетерпение, волнение. Местная губернская власть стала угрожать караимам, что если в течение года не будет избран Гахам, то правительство будет вынуждено перейти к системе назначения Гахамов, как уже таковая система практиковалась в отношении крымских мусульман. Караимы перепугались и уже начали обращаться к целому ряду лиц: С.С. Крыму, А.Я. Крыму и В.С. Пампулову (младшему сыну покойного Гахама). В мае 1915 г. окончательно были выдвинуты двое: С.М. Шапшал и В.С. Пампулов, выразивший свое согласие. На съезде были представлены 19 общин, из коих 13 голосовали за первого и 6 за второго. Вслед за этим все выборщики прибыли в Петербург к С.М. Шапшалу, прося во имя блага народа и страха лишиться избирательных прав, уступить гласу народа. С.М. счел себя не вправе подвергать свой народ испытаниям и дал согласие, после чего депутаты вновь съехались в Евпаторию и уже единогласно подтвердили избрание С.М. Шапшала. Они преподнесли ему за подписью всех 19-ти делегатов адрес, который был доставлен в имение С.Ш. Хаджи «Шебетеевка» близ Керчи, где гостил тогда С.М. Шапшал, делегатами Я.Я. Авашем, С.М. Сарачом, Ю.Ю. Тришканом и И.И. Чубаром. С.М. Шапшал дал свое согласие, и в октябре того же 1915 г. был утвержден в сане Гахама.

Хотя С.М. Шапшал прибыл в свою резиденцию в Евпаторию в декабре 1915 г. в официальном звании Таврического Гахама, церемония провозглашения его в этом звании состоялось лишь через пять месяцев в мае 1916 года. Тогда он по обычаям предков явился в Иосафатову Долину близ Чуфут-Кале на Балта Тиймез (усыпальницу караимского народа) и после молитвы здесь об упокоении ушедших в вечную жизнь предков своего народа торжественно, верхом, в сопровождении двух всадников «сагдаш» и «солдаш» по древнему обычаю въехал в ворота крепости. Здесь в парадных формах его встретили: Таврический губернатор-генерал Н.А. Княжевич, Предводитель дворянства, Управляющий казенной Палатой, все губернские чины и Городской Голова г. Бахчисарая, представители караимского и мусульманского духовенства, депутаты от этих двух народов. По принятии поздравлений от начальствующих лиц Гахам подошел к группе газзанов-настоятелей 12 караимских кенас во главе со старейшим Старшим Газзаном И.М. Кефели, который приветствовал его словами: «Благословен во имя Господне!». Престарелый уроженец Кале 90-летний старец А.И. Прик от имени караимского народа поднес ему посох «алтын баш» («золотая голова») — символ гахамской власти. Затем все последовали в старейшую караимскую кенаса, где Гахам помолился в сослужении 12 газзанов. Эта церемония полностью соответствовала старому караимскому обычаю и во всех деталях повторяла церемонию 37-летней давности, когда в 1879 г. в должность гахама вступал С.М. Пампулов. Весь церемониал был снят кинематографической фирмой Дранкова из Москвы и показывался во всех городах Крыма и России.

Первым делом Шапшала по вступлении в должность Гахама было учреждение национальной библиотеки «Карай Битиклиги» (свыше 4000 томов) и караимского национального музея. Затем прошло преобразование караимской приходской школы с восстановлением преподавания на родном тюркском языке и введение преподавания караимской истории в Александровском Духовном училище. Была организована богадельня для престарелых и одиноких караимов. Началось оборудование караимского селения по завещанию И.Д. Пигита и на его пожертвования. Была открыта караимская аудитория со сценой, на которой ставились спектакли из жизни караимов на караимском же языке. Началось издание Известий Духовного Правления и т.д. Поскольку шла 1-ая мировая война, приходилось заботиться и о приехавших в Крым караимах — беженцах из фронтовой полосы.

Гражданская война положила конец деятельности С.М. Шапшала, и он вынужден был в 1919 г. покинуть Крым и поселиться в Константинополе.

Отрывок из статьи: Предки, детство С. Шапшала, учёба, деятельность до 1919г. По рукописи из архива Семёна Михайловича Шапшала — племянника Гахама. В книге: Хаджи Серайя Хан Шапшал — выдающийся сын караимского народа. — Симферополь, 2010, -176 с. (с.20-27).

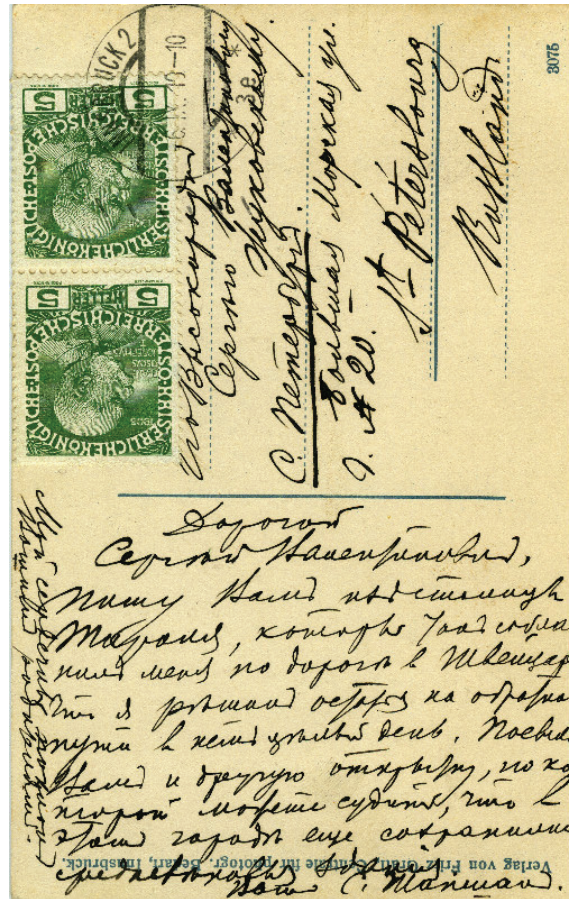
**Редактирование статьи осуществлено
О.В. Петровым-Дубинским.**

О ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТКАХ ШАПШАЛА

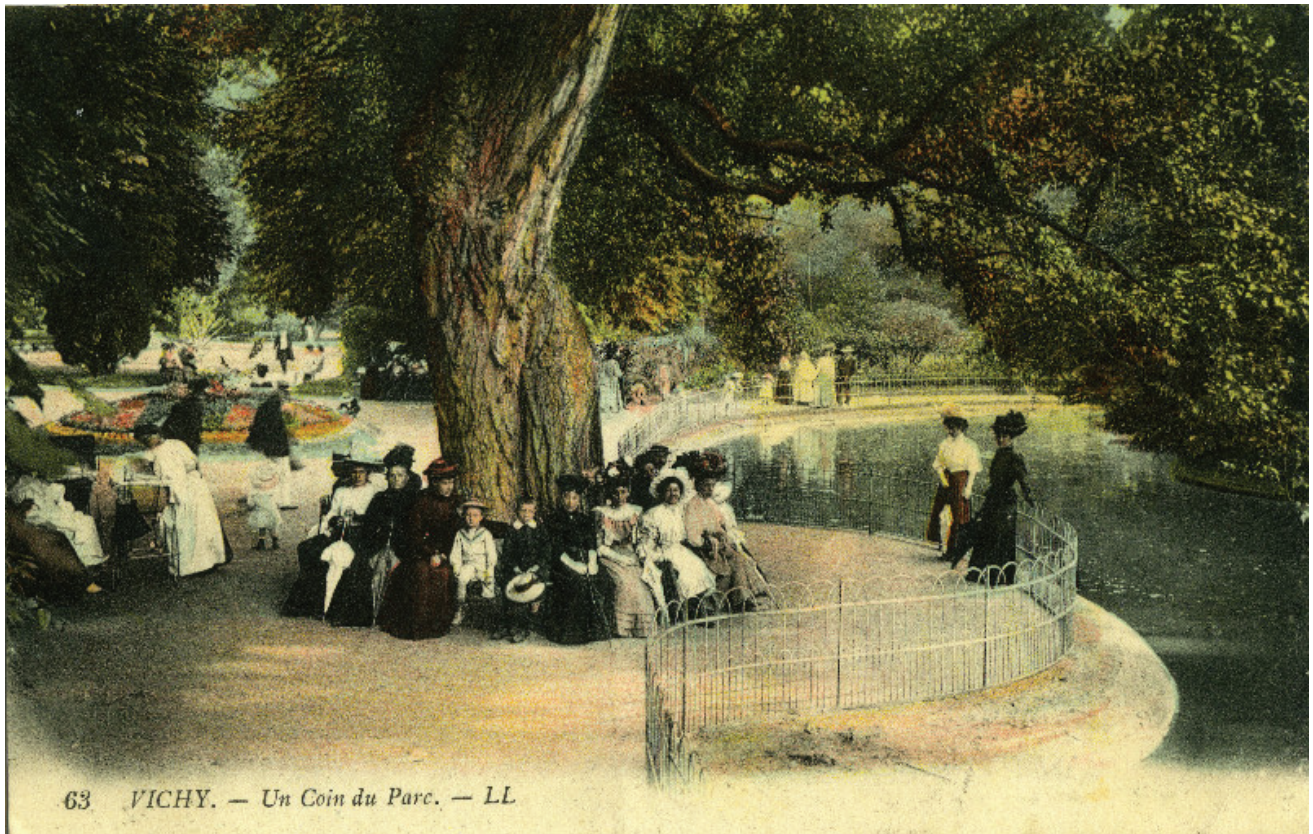
Общее количество почтовых открыток Сераи Марковича Шапшала и его жены Веры Эгиз, адресованных его университетскому преподавателю персидского языка профессору Валентину Алексеичу Жуковскому – 15 штук. Цветные и черно-белые открытки с видами посылались из разных стран Европы, например, из Австрии (1910 г.), Турции (1911 г.), Италии и Франции (1912 г.), т.е. отовсюду, где они бывали в эти годы. Эти ранее неизвестные автографы столетней давности известного учёного-тюрколога и духовного лидера караимов представляют большой интерес для дальнейшего изучения его жизни и наследия.

Открытки бережно сохранила после смерти вдовы профессора Жуковского, Варвары Александровны Инна Александровна Битюгова, высококлассный специалист по творчеству Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, чьи родители были связаны с вдовой профессора В. А. Жуковского последние десять лет её жизни. Она любезно предоставила мне несколько открыток для публикации, за что выражаю глубокоуважаемой Инне Александровне сердечную благодарность и признательность от себя лично и от редколлегии издающегося в Москве национального вестника караимов России «Караимские вести».

В. Дзевановский (Санкт-Петербург)

Почтовая открытка, посланная Шапшалом из Тироля, Австрия, 06.09.1910 г.

63 VICHY. — Un Coin du Parc. — LL

Внешний вид открытки, посланной Шапшалом из французского г.Виши в 1912 г.

С.М.Шапшал

Валентин Алексеевич Жуковский
(Из личных воспоминаний его бывшего ученика)

Впервые я встретился с Валентином Алексеевичем в 1894г. на факультете восточных языков Петербургского университета, где он был тогда секретарем этого факультета и ординарным профессором, преподавая студентам персидский язык и литературу.

Он был удивительно обаятельным в общении. На каждого, кто его видел и беседовал с ним в первый раз, он производил впечатление давно знакомого и благорасположенного человека.

В противоположность другим профессорам, всегда сидящим во время лекций на кафедре, Валентин Алексеевич присаживался на первой скамейке, рядом со студентом и, по одной книжке с сидящим рядом с ним студентом, следил за правильным чтением персидского текста и переводом его на русский язык. Лишь время от времени он вставал, подходил к доске и мелом на ней писал те или иные слова, объясняя их корни, значение и пр.

Такое его близкое, почти товарищеское обращение со студентами, создавало совершенно иное взаимоотношение, чем это было с остальными профессорами, державшимися со студентами на некотором отдалении. На лекциях студенты входили с ним в беседу, задавали различные вопросы, касающиеся, кроме читаемого текста, вообще иранистики. Иной раз он не находил надлежащего ответа на заданный ему вопрос, просил отложить беседу до следующего раза, пока дома ознакомится с соответствующей литературой по затронутому вопросу, и это повторялось неоднократно. Может быть это обстоятельство и послужило поводом к тому, что на одном собрании, воздавая дань благодарности бывшим своим учителям, он сказал также, что многому научился не только у них, но и у своих учеников-студентов ...

По окончании курса в университете, пишущий эти строки по рекомендации Валентина Алексеевича, получил в январе 1901г. назначение в Иран (город Тебриз), где занимался преподаванием русского языка и в то же время постоянно поддерживал переписку со своим учителем-профессором.

В одном из своих писем Валентин Алексеевич просил меня выяснить, что собственно означает в нынешнем разговорном языке иранцев слово «шамаль», в

сущности являющееся множественным числом арабского слова, означающего: врожденное свойство, качество, характер, достоинство ... По наведенным мною справкам, оказалось, что так называются художественные изображения мусульманских святых. Ни профессор Жуковский и никто другой из тогдашних ориенталистов никогда не слышал о существовании мусульманских икон. Несмотря на мои старания, мне долгое время не удавалось увидеть такие иконы, т.к. местные мусульмане, как оказалось, держат их закрытыми под густой кисеей в особых нишах, устроенных в одной из стен своих домов. Таких икон, конечно, европейцам никогда не удастся видеть. Валентин Алексеевич, однако, энергично советовал мне по возможности найти случай воочию увидеть такие иконы и описать их, так как это открытие имело бы большое значение для науки. Ясно, что я принялся за это дело, сгораемый любопытством и страстным желанием совершить необыкновенное открытие не только для одних ориенталистов, но и вообще для ученого мира.

Но тут надо вспомнить, что тогда, а именно полвека тому назад, не в пример нынешнему прогрессивному для Ирана времени, мусульмане под влиянием своего духовенства были очень фанатичны. Чуждались общения с иностранцами, иранцы очень неохотно принимали в своих домах европейцев и местных христиан-айсоров и армян, которые жили в Тебризе в особом, отдельном квартале. Они тщательно мыли свои руки после того, как здоровались с неверными и разбивали стаканы, из которых их угощали чаем, если случалось волей-неволей принимать их у себя в доме ...

Итак, однажды в Тебризе, находясь дома у одного своего приятеля перса, который был очень ко мне расположен и благодарен за ряд мною оказанных ему существенных услуг, - я был им введен в комнату, где раньше никогда не бывал. В этой комнате я заметил нишу с прислоненной к ней рамой, покрытой густой кисеей. Пользуясь тем, что никого кроме нас двоих не было в этой комнате, я спросил его, что это за предмет, покрытый кисеей? Он подошел к нише, прошептал краткую молитву, снял покрывало и я увидел изображение мужчины, сидящего на волосяной шкуре и держащего у себя на коленях меч с раздвоенным концом. Вокруг его головы был нимб, как и на христианских иконах. По форме меча я догадался, что это изображение Али и он подтвердил мою догадку. Я сразу же поспешил об этом открытии написать Валентину Алексеевичу, и он усиленно просил меня во что бы то ни стало раздобыть такую икону и привезти ее с

собой. Долгое время, проживая в Тебризе, несмотря на все мои старания, на знакомства и дружбу с местными жителями, мне не удавалось больше видеть такую икону, не говоря уже о возможности приобрести ее.

Попав, наконец, в Тегеран и думая все время об этих мусульманских иконах, я совершенно случайно, проходя мимо одного антикварного магазина, в окне увидел завешанную сверху до низу картину. Слегка отогнутый кончик покрывала позволил мне увидеть очертания колен и лежащий на них меч с раздвоенным концом – «зюль-фикар», доставшийся Али по преданию от самого Мухаммеда – его тестя. Обрадовавшись, однако, я сильно сомневался, продаст ли хозяин магазина чужестранцу мусульманскую икону, но я был в барашковой шапке персидского покроя и владел персидским языком, не производил впечатления «френги» т.е. европейца. Все же, предварительно обдумав, я решил заговорить с хозяином магазина так, как обыкновенно говорят мусульмане, покупая экземпляр Корана.

Дело в том, что нельзя спросить, сколько стоит Коран, т.к. это является богохульством, ибо Корану нет цены. Поэтому, войдя в магазин, я и задал продавцу подобающий вопрос: что я должен подарить Вам в обмен на уступку мне иконы? Он мне просто ответил: 20 туманов, т.е. 40 рублей на тогдашние русские деньги.

Немедленно я сообщил об этом приобретении Валентину Алексеевичу и он с нетерпением ждал моего приезда в Петербург. Вернулся я только осенью 1908г., к тому времени приобрел еще несколько икон, причем на некоторых из них, кроме самого Али, были изображены и два его сына – Хасан и Хусейн – внуки Мухаммеда. Изображения самого Мухаммеда мне не приходилось видеть с открытым лицом. Он всегда изображается с завуалированным, как у мусульманских женщин, лицом. Имеются также изображения его коня – «Аль-Борак», на котором он в Иерусалиме, по мусульманской легенде, улетел со двора храма Соломона прямо на небо.

* * *

Вернувшись в Петербург, я застал В.А.Жуковского уже в двух должностях: он был деканом восточного факультета Университета и директором учебного Отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел, одновременно Переводной частью с восточных языков*.

Меня определили на службу в 3 политический отдел МИД и преподавателем упомянутого учебного отделения и затем, штатным лектором турецкого

языка в Университете. Т.е., я очутился под начальством и непосредственным руководством Валентина Алексеевича на своих должностях. Общаясь вследствие этого ежедневно с Валентином Алексеевичем, я сошелся с ним еще ближе и теснее.

Ввиду того, что в МИД в качестве консультантских донесений поступало много интересных сведений из Турции, Ирана, Индии и Дальнего Востока, о которых ни специалисты ученые, ни тем более широкая общественность никогда не имели понятия, Валентину Алексеевичу пришла мысль основать, с привлечением служащих министерства и преподавателей восточных языков Университета, которые могли бы использовать и обработать эти материалы, - особое Общество русских ориенталистов (ОРО).

Хотя Валентин Алексеевич официально не числился среди руководителей, он через своего сына Сергея Валентиновича, секретаря новосозданного Общества и пишущего эти строки – товарища председателя, неустанно принимал участие в редактировании издаваемого Обществом ежегодника – «Восточный сборник». С 1912г. вышли в свет два номера его, и на этом издание прекратилось с наступлением мировой войны 1914г.

Административные должности, как декана в Университете, так и начальника учебного Отделения восточных языков МИД отнимали, по-видимому, очень много времени у Валентина Алексеевича, мешая ему предаться непосредственно научным трудам в той мере, как бы он этого хотел. Он показывал мне ненапечатанную кипу трудов своих, которые он не успел при жизни окончательно обработать и они не появились в печати. Что с ними стало после его смерти – мне не известно.

Кончая на этом свои краткие воспоминания, мне еще раз хотелось бы повторить, что В.А.Жуковский был человеком необыкновенно обаятельным, добрым ко всем и необычайно скромным. Эти качества выгодно его выделяли среди других востоковедов того времени, вызывая особое уважение и любовь к нему со стороны его учеников и коллег-профессоров.

* - См. Ежегодник МИД – Петербург, 1916 г., стр. 31.

Серая Шапшал в Египте у пирамид. Сопровождает его Иосиф Абрамович Прик (слева), 1920 год

**Отрывок из статьи польского профессора Стефана Гонсёровского
(Ягелонский университет, Краков) «Между Россией, Персией и Турцией.
Жизнь и деятельность Сераи Шапшала в 1873-1927 гг.»**

В этой части статьи рассказывается о турецком периоде жизни Шапшала (1919 – 1928 г.г.)

«В 1918 г. Шапшал был короткое время арестован большевиками, возможно, из-за своих связей с царским Министерством иностранных дел. В марте 1919 г. он появился в Крыму, однако, опасаясь дальнейших преследований, тайно выехал на Кавказ, а потом в Турцию, используя преимущества обладателя персидского гражданства.

Впоследствии в своей автобиографии (1954 г.), написанной для советских властей, Шапшал указал, что основанием для его отъезда была боязнь ареста со стороны сподвижников генерала Деникина (1872-1947) за его лояльность по отношению к советскому строю. Полной правды он написать не мог.

Появившись в Стамбуле, он нашёл работу секретаря-переводчика в Грузинском банке. Впоследствии он получил должность вице-директора Турецко-персидского банка, а затем занялся библиотекой турецкого султана Абдул Хамида II (1872-1918). Рукописи, содержащиеся в этой библиотеке, требовали научной обработки и каталогизации.

О большом значении его роли и деятельности

во время эмиграции свидетельствует тот факт, что в 1921 г. российским дипломатическим представительством он был назначен судебным заседателем в местном консульстве.

В это время его жена Вера Эгиз работала окулистом в Стамбуле и г. Бурса. (Следует пояснить, что Вера и её брат известный караимский художник Борис Эгиз приехали к Шапшалу через несколько месяцев после его прибытия в Турцию. Они привезли с собой его личные вещи, включая награды, рукописи и книги – Прим. ред.)

В столице и городе Бурса, что в азиатской части, Шапшал прожил девять лет. В самом начале жизни в Турции в 1920-м году он перевёл и опубликовал переводы на французский и русский языки новелл турецкого писателя Рушена Эсфера Бея (1892-1922) под названием «Жалобы свечи». Перевод был опубликован в стамбульском журнале «Инджи», 1920, №4.

В то время Шапшал часто путешествовал. В 1920 г. он посетил Египет, а в следующем, во время праздника Пасхи, отправился в Иерусалим, благодаря

чему приобрёл статус Хаджи. Этот обычай караимы переняли у мусульман, совершающих со своими единоверцами паломничество в Мекку. Побывал он и в Греции.

Живя в Стамбуле, Шапшал поддерживал тесные контакты с караимскими общинами, разбросанными по всей Европе. В связи с возросшей после Октябрьской революции эмиграцией большая община караимов появилась в Париже. Она действовала под названием Объединённое караимское общество во Франции.

Духовную заботу о караимской общине Парижа в 1920-х годах добровольно возложил на себя Ф. Форунда, бывший капитан и выпускник Караимского духовного училища в Евпатории, получивший на это согласие самого Шапшала.

В это же время Шапшал завязал контакты в качестве корреспондента с редакцией журнала «Мысль караимска» - органа Вильнюсского объединения караимской общественности. С 1925 г. он вёл переписку с А. Раецким – редактором этого журнала. Личные отношения с караимами и оживлённые международные контакты Шапшала способствовали тому, что 23 октября 1927 г. во время съезда польских караимских общин в Тракае он был выбран вторично Гахамом всех караимов в Польше. (В первый раз Шапшала избрали Гахамом в Литве в 1911 г., но тогда он отказался от этой важной духовной должности. – Прим. ред.)

На счастье, в этот раз Шапшал согласился принять эту почётную должность. И в его жизни начался

новый, очень важный и плодотворный вильнюсский период, который требует отдельного и объёмного исследования».

*Перевод с польского
Ромульда Шпаковского (Вильнюс)*

От редакции «Караимских вестей»: автор статьи проф. Стефан Гасёровский ничего не написал о сотрудничестве С.М.Шапшала с турецкими учёными – лингвистами, которые занимались по поручению Президента Турецкой республики Мустафы Кемала Ататюрка реформой турецкого языка. Благодаря Шапшалу в турецкий язык были введены вместо иностранных слов, заимствованных из арабского и др. языков, 330 караимских, как исконно тюркских, слов. Также важно отметить, что в эти годы Серая Маркович продолжал интересоваться различными вопросами востоковедения и заниматься научной работой. Результаты исследований он публиковал на турецком языке в выходивших научных изданиях. Здесь можно назвать такие его работы турецкого периода, как «Кырым карай тюрклерери», Стамбул, 1923 или «Ярлыки и худжеты крымских ханов и кади-аскероу XVII- XVIII вв.», Стамбул, 1928.

Также нельзя не привести здесь и мнение крымского историка к.и.н. Д.А. Прохорова, который на основании своих последних исследований и найденных им архивных документов считает, что Серая Шапшал покинул Крым лишь в 1920 г.

Предлагаем нашим читателям ещё один отрывок о турецком периоде жизни С.М. Шапшала из статьи азербайджанского тюрколога Виляята Гулиева «Шапшал – азербайджановед, или наши братья – караимы».

«...Шапшал оказался в Турции в родной стихии - в смысле культурной и языковой ауры. Правда, в первое время ему пришлось работать в банке обыкновенным служащим. Затем он устраивается преподавателем в Стамбульский университет. Как пишет караимовед В.Зайончковский, его представляют основателю новой Турции - Мустафе Кемалю Ататюрку, и Шапшалу удается привлечь внимание Отца нации, готовившего языковую и культурную революцию для своей страны. Существуют другие факты, косвенно подтверждающие популярность Шапшала в Турции двадцатых годов прошлого столетия: на первых порах деятельности в Турецком лингвистическом обществе и Историческом обществе Турции, созданных по инициативе и с благословения Ататюрка, уделялось серьезное внимание духовно-культурному наследию карайских тюрков.

Стамбульский период жизни Шапшала характеризуется еще более последовательной и решительной позицией в его суждениях, связанных с этногенезом родного народа. По сути начавшийся с Азербайджана - Тебриза, этот процесс национального самоощущения, в Турции 20-30-х годов XX века, под воздействием мощного и здравого

интеллектуального движения тюркизма, формируется в системную и основательную научную доктрину.

В 1928 году, в канун отбытия Шапшала из Турции, в журнале «Turk yurdu» выходит в свет его крупная исследовательская работа, итог серьезных научных изысканий - «Карайи-караимские тюрки».

С.М. Шапшал с женой Верой Эгиз (слева) и тремя неизвестными караимами, Европа, середина 1930-х

Людмила Лопато в год написания воспоминаний,
Канны, 2001 г.

С.М. ШАПШАЛ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЛЮДМИЛЫ ЛОПАТО

Редколлегия «Караимских вестей» решила опубликовать в своём памятном выпуске отрывок из книги «Волшебное зеркало воспоминаний» (Москва, 2003, с. 53-55) известной французской караимки, актрисы, певицы и ресторатора Людмилы Лопато, в котором она рассказывает о С.М. Шапшале и встречах с ним.

Эти строки, написанные незаурядной женщиной, талантливой красавицей интересны ещё и чисто женским взглядом, описанием того неотразимого впечатления, которое произвёл С.М. Шапшал на молоденькую, восторженную Людмилу. Эти встречи происходили в 1930-х годах. Серая Маркович был в то время 60-летним, но выглядел он всегда моложе своего возраста. Это был представительный, по-военному прямой, высокий, с красивыми мужскими чертами притягивающего взгляды лица, нестареющий караимский Гахам.

«В тихой Евпатории обитало особенно много богатых людей, военных, врачей, артистов, коммерсантов караимских кровей. В конце XIX века многие из них переселились в Москву, Петербург, Ригу и Ревель (Таллин). В Париже 1920-х— 1930-х годов потомки этих семей составили довольно большую колонию.

Глава караимской общины в Литве Хаджи Серая Хан Шапшал был человек высочайшей культуры (к тому же очень красивый!). Он преподавал восточные языки в Санкт-Петербургском университете, а потом был гу-

вернером наследника престола Ирана. Будучи избран Гахамом, он основал караимский этнографический музей, а в Санкт-Петербург, в Академию наук передал свою бесценную коллекцию восточных рукописей.

Рассказывали, что императрица Александра Федоровна благосклонно относилась к Гахаму. Он не раз бывал приглашен государыней к чаю; одна из ее фрейлин, с которой я познакомилась много позже, помнила не только самого Гахама, но и то, сколько ложечек сахара он клал в чашку с чаем.

Упоминания о Хаджи Серая Хан Шапшале я встретила много позже, читая изданную в русской эмиграции переписку императорской семьи (Берлин, «Слово», 1922).

Императрица сообщает государю 2 июля 1916 года: «Кахам (так в оригинале. — Л.Л.) приехал и провел вечер вчера у Ани — сегодня она меня просила провести вечер с ней и послушать его живописные рассказы». На следующий день Александра Федоровна пишет в Ставку: «Я провела вчерашний вечер у Ани с Кахамом. Очень умный, приятный человек...»

Аня — это, конечно же, фрейлина Анна Вырубова. В ее мемуарах есть упоминание о знакомстве с Гахамом, о том, как рассказывал он ей старинные легенды караимского и татарского народа... «Он, — пишет Вырубова, — как и все караимы, был предан Их Величествам».

Далее Вырубова приводит эпизод, который напомнил мне мой детский восторг перед Шапшалом: «В августе из Крыма приехал Гахам караимский. Он представлялся Государю и несколько раз побывал у Наследника, который слушал с восторгом легенды и сказки, которые Гахам ему рассказывал... Гахам первый умолял обратить внимание на деятельность сэра Бьюкенена и на заговор, который готовился в стенах посольства с ведома и согласия сэра Бьюкенена. Гахам раньше служил по Министерству иностранных дел в Персии и был знаком с политикой англичан. Но государыня и верить не хотела, она отвечала, что это сказки, так как Бьюкенен был доверенный консул Короля Английского, ее двоюродного брата и нашего союзника...»

И, уже после отречения императора от престола, 9 декабря 1917 года, Александра Федоровна пишет Вырубовой: «Ты имеешь известия от Гахама? Напиши ему и поклонись...»

Его действительно было трудно не запомнить: слишком яркая личность, слишком сильное впечатление... Он был довольно суров. И чтит свое положение, строго выполняя все, что предписывал ему караимский закон.

Когда, приезжая в Вильну, мы заходили в его дом, — это было все равно, что оказаться в другом мире, в восточной стране и в восточной старине.

Низкая мебель, инкрустированные столики, вышитые стулья, низкие табуреты, крытые бархатом с золотыми узорами, ковры, картины той эпохи на восточные сюжеты (там было много работ брата

его жены, академика живописи Бориса Эгиза, эмигрировавшего затем в Константинополь).

И начинались разговоры, воспоминания Гахама о персидском шахе и о его сыне, который был очень привязан к своему учителю... А на низких резных столиках темного дерева стояли цветные фаянсовые блюда (в узоре, помню, преобладала зелень — или особая, раскаленная синева, которую так любили гончары всех южных народов). А на блюдах — дышали слоеные пирожки с орехами или с вишнями, рахат-лукум с фисташками был осыпан сахарной пудрой, как тончайшим белым песком Юга, древней прародины...

Все это вызывало детский восторг. И делало каждый визит к Гахаму сказкой из книжки с картинками и вязью позолоты на обложке.

Сказкой, которая сначала была прочитана — а потом приснилась.

Подчиненный Шапшала, тракайский священник и караимский поэт Семен Фиркович тоже был очаровательным господином, который всегда во всем помогал Шапшалу.

Его семья была милейшая, там нас часто угощали караимскими блюдами и знаменитой селявой. Вокруг их дома на Караимской улице в Тракае находился большой фруктовый сад, где дети собирали вишни и малину. Все плавали на лодках по озеру Гальве, вокруг острова, на котором стоит знаменитый замок.

И я, и мои братья запомнили этих людей на всю жизнь...»

СПРАВКА: Автор воспоминаний Людмила Ильинична Лопато родилась в 1914 г. в китайском городе Харбине, население которого в то время на 90% состояло из российских специалистов — железнодорожников и рабочих, строивших КВЖД. Отец Люси Илья Аронович Лопато (родом из Тракая) был на паях с братом владельцем табачной фабрики и председателем караимской общины Харбина. Мама Зинаида Михайловна (из семьи Шпаковских) имела медицинское образование и растила, кроме Люси, двух её старших братьев.

В 1929 г. семья из-за плохого здоровья отца переехала в Европу и обосновалась в Париже. Людмила окончила там «русскую» гимназию и «русскую» консерваторию, брала уроки пения у великой певицы Мариинского театра Медеи Фигнер. Стала выступать в концертах, встречалась со многими артистами и музыкантами. Дружила с семьёй Шаляпина, с Вертинским, с знаменитым артистом того времени караимом Дуваном-Торцовым и многими другими. В числе её знакомых были русские аристократы — князья Голицыны, Шереметевы, Юсуповы, чьи имена навсегда остались в российской и мировой истории. Париж

1930-х годов был переполнен русскими всех сословий и всех профессий. Была там и большая караимская община, которую в 1937 г. посетил гахан (гахам) Серай Шапшал, когда вместе с женой Верой Эгиз наносил визиты в караимские общины разных стран Европы. Редколлегия «Караимских вестей» располагает большой коллективной фотографией, на которой караимы Франции сидят вместе с гаханом Шапшалом. Среди них можно узнать многих известных караимов, в том числе 23-летнюю красавицу Людмилу Лопато. Об этой встрече с Серай Марковичем певица забыла упомянуть в своих воспоминаниях.

В 1939 г. Людмила вышла замуж и уехала с мужем в США, где работала и снималась в Голливуде. После войны и развода с мужем вернулась в Париж, выступала в известных кабаре, потом вторично вышла замуж и открыла с мужем ресторан «Русский павильон» на углу авеню Виктор Гюго. Это судьбоносное событие в жизни Людмилы случилось 50 лет назад 5 ноября 1961 г. Ресторан стал очень популярен как среди парижан, так и среди гостей Франции. Особенным вниманием он пользовался среди представителей (и бывших граждан) СССР, включая министра культуры Екатерину Фурцеву, композитора Никиту Богословского, танцовщика Рудольфа Нуриева, режиссёра Никиту Михалкова и ещё многих других.

Последние годы жизни Людмила Ильинична провела в Каннах и скончалась в 2004 г. Похоронена она рядом с отцом на его родине в Тракае в самом центре нового караимского кладбища.

Редколлегия «Караимских вестей»

Людмила Лопато в годы юности и первой встречи с Шапшалом, Канны, 1929-30 г.г.

С.М.Шапиал после избрания его на пост Гахана часто навещал караимские общины в других городах и странах. Он посетил караимов в Болгарии, Румынии, Франции. На фото Гахан в Варне, 1935 г.

С.М. Шапиал (в центре) с женой (справа от него) посетили крымских караимов в Румынии, 1930-ые

Гахан С. М. Шапшал сопровождает Президента Польской республики Игнация Мостицкого на его встрече с караимами Тракая. 17 июля 1935г.

70-летие Шапшала в воспоминаниях Шимона Пилецкого

Редколлегия сочла возможным привести здесь отрывок из книги известного караимского старейшины из Варшавы Шимона Пилецкого о годах 2-ой мировой войны, когда он жил с родителями в Тракае и вёл юношеский дневник. Недавно эти дневниковые записи были изданы отдельной книгой под названием «Хлопец з Лесник. Дневник 1939 – 1945гг.». Этот отрывок интересен нам тем, что в нём свидетель и участник событий тех далёких лет сделал тогда в дневнике подробную запись о том, как скромно отмечалось в оккупированном немцами Вильнюсе 70-летие Сераи Марковича Шапшала.

Предлагаем нашим читателям задокументированное свидетельство очевидца празднования этого знаменательного события 68-летней давности. Итак...

«21-го мая 1943 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Гахана С.М. Шапшала. Связанное с этой датой празднование было отложено на воскресенье. 23 мая семья Пилецких утром пошла на вокзал, чтобы доехать до Старых Троков. Когда пришли на вокзал, оказалось, что поезда нет. Потом выяснилось, что поезд будет позже в 9 часов, т.к. изменили расписание.

Наконец приехали в Вильнюс. Этим же поездом ехала большая компания «трокчан». Когда пришли на Зверинец (район в Вильнюсе, где жил Шапшал – ред.) в кенаса, люди уже молились. Но мы успели часик помолиться. По окончании молебна все направились в мидраш. Там были поставлены разные декорации и всюду была свежая сирень, хотя и не совсем распустившаяся, но с запахом. Его эксцеленция произнёс речь, в которой он обратился к молодёжи, подчеркнув особое значение религии и языка, цементирующих нации в союзы, именующиеся народами. Потом выступил хор с оркестром, который исполнил много по-настоящему красивых караимских произведений и мелодий. Женья исполнила в переводе один из сонетов Адама Мицкевича, за что потом получила специальную похвалу Гахана и пару веток сирени. Были также поздравления от представителя татар, батушки и караима (забыл фамилию, кажется, Бахланиша, или Баклашима, или что-то в этом роде) – он приехал из Берлина. И на этом всё закончилось.

Перевод с польского

Ромуальда Шпаковского (Тракай)

ЭКСЛИБРИС ГАХАМА

Экслибрис (книжный знак) – это небольшой ярлычок-этикетка, наклеиваемый на внутреннюю сторону переплётa книги для обозначения принадлежности книги какой-либо библиотеке. Слово «экслибрис» – латинское, в переводе означает «из книг». Своими корнями экслибрис уходит в седую старину. Древнеегипетский фараон Аменхотеп IV (XV век до нашей эры) имел прототип книжного знака в виде голубой фаянсовой пластинки с иероглифами, которая шнурком прикреплялась к свитку папируса. В известном армянском книгохранилище Матенадаран хранится рукопись 1360 года, украшенная книжным знаком владельца – католика Тер-Григора. Книжный знак вырезан на дереве и впечатан в рукописную книгу. На севере России, в Соловецком монастыре обнаружен ряд книг с рисованным экслибрисом основателя монастырской библиотеки игумена Досифея. Этот экслибрис датируется 1494 годом.

Более современные экслибрисы печатались на бумаге типографским способом. Они содержат в себе шрифтовые и графические элементы, соответствующие личности владельца или характеру его библиотеки. Впервые они появились в Германии вскоре после изобретения книгопечатания, затем быстро распространились во Франции, Англии, Италии и в других странах. Экслибрисами украшались книги богатых владельцев и императорских библиотек. Экслибрис шагал и за океан. В монастырях Мексики книжные знаки появились вскоре после открытия Америки.

В России типографские экслибрисы появились в эпоху Петра Великого. В этот период книжные знаки украсили библиотеки Я. Брюса – учёного секретаря Петра, его лейб-медика Р. Арескина и просвещённого князя Д.М. Голицына. В дальнейшем популярность экслибриса растёт очень быстро.

Экслибрис может быть предельно скупым (знак-эмблема) и быть графической миниатюрой. Уже в XVI веке среди известных мастеров книжного знака были А. Дюрер, Г. Гольбейн, Л. Кранах. В дальнейшем многие знаменитые художники работали над экслибрисом, создавая шедевры малоформатной графики. Экслибрис может быть шрифтовым – состоять из короткой фразы, афоризма, лирической мысли.

В моей коллекции художественных экслибрисов бережно хранится экслибрис последнего караимского гахама (гахана), известного востоковеда Сераи Марковича Шапшала (1873-1961). В 1901 г., на заре своей карьеры, после окончания Санкт-Петербургского университета он был приглашён в Персию учителем русского языка к наследнику шахского престола. Через семь с половиной лет Шапшал вернулся в Россию в чине персидского генерал-адъютанта с титулом хана и советника шаха. Затем – служба в Министерстве иностранных дел Российской империи, преподавание в университете и большая общественная деятельность. Но, прежде всего, он был крупным учёным-тюркологом и филологом, исследователем караимского языка, истории и этнического происхождения крымских караимов.

Вся жизнь С.М. Шапшала была связана с книгой. После избрания его в 1915 г. гахамом (гаханом) он организовал в Евпатории караимскую библиотеку «Карай битиклиги», в которой было собрано свыше 4 тыс. томов, среди которых было немало уникальных. Во время гражданской войны Серая Маркович был вынужден покинуть Крым и перебраться в Турцию,

Экслибрис Хаджи Сераи хан Шапшала

а в 1928 г. по приглашению литовских караимов, избравших его гахамом (гаханом), переехал в Вильнюс, находившийся тогда в составе Польши. Он становится профессором, много работает, ездит по Европе. С началом Второй мировой войны Виленское воеводство возвращается Литовской республике, которая в 1940 г. входит в состав СССР. С.М. Шапшал становится советским учёным и до самых своих последних дней продолжает заниматься научной, преподавательской и общественной деятельностью. Дома у него размещается собиравшаяся десятилетиями богатая этнографическая коллекция и обширная библиотека с книгами на разных языках. Все книги помечены публикуемым здесь личным книжным знаком.

На экслибрисе С.М. Шапшала центральное место занимает изображение верблюда, стоящего на фоне восходящего солнца. Верблюд – это символ трудолюбия и выносливости, а в поклаже у него самый ценный груз – книги. Над ним в лучах солнца начертан на латыни лаконичный девиз «EX ORIENTE LUX» (Свет с Востока). Рисунок заключён в прямоугольную рамку, над которой крупными буквами написано KSIEGOZBIOR (по-польски – БИБЛИОТЕКА), а под рамкой – ХАДЖИ СЕРАЯ ХАН ШАПШАЛА. Рисунок вместе с надписью окаймлён узором тюркского ковра.

Экслибрис изготовлен в 30-х годах XX-го столетия. К сожалению, я не знаю, кто его автор. Вероятно, это польский или литовский художник. Крымские караимы свято чтут память гахама (гахана) С.М. Шапшала. Нам дороги все этапы его биографии, каждая деталь его творческой и духовной жизни.

И. Пандул (Санкт-Петербург)

Примечание редакции:

В библиотеке Врублевских Академии Наук Литвы в фонде С.М.Шапшала есть дело, в котором находится проект экслибриса с датой 5 мая 1939г., подписанный Янушем Томаковским.

Я.Томаковский (1896-1980), уроженец Вильнюса, был архитектором и занимался графикой. Создал много экслибрисов, в том числе и Ю.Пилсудского. Материал из "Авазымыз", №3(32), стр.2

ПИСЬМО ИЗ ЛИТВЫ

Абайлы бирдиньлярямизь –
Уважаемые единоверцы!

Мне уже немало лет и сегодня я хочу рассказать, каким помню нашего вождя, гахама Сераю Шапшала. Ш. Фиркович называл его «бийимизь» - наш вождь. Польско-литовское караимское духовенство владело небольшим имением в десяти километрах от Тракай, которое арендовал мой прадедушка, потом дедушка Семен Пилецкий и последний арендатор - брат моей мамы Авия Пилецкий. Имение называлось Малеванка. Около 1934-35 года С.М. Шапшал построил себе в Малеванке деревянный дом. Приблизительно в это же время он добился разрешения на новое название и имение переименовали на «Кёрклю Сала» - «Красивая деревня». Чтобы новое имя деревни быстрее прижилось, при встрече с местным жителем Шапшал всегда спрашивал, как это место называется и, если тот отвечал Кёрклю Сала, всегда получал от Сераи Марковича какое-нибудь вознаграждение.

Ныне покойный Михаил Шишман рассказал мне, как С.М. Шапшал заставил себя уважать вильнюсского архиепископа Ялбжиковского. На довольно частых приемах, архиепископ игнорировал Сераю Марковича. Но однажды Серая Маркович

написал письмо в Ватикан, в котором описал, как во времена работы в Персии посетил один христианский монастырь, в котором увидел старинную икону Божией матери. Я, к сожалению, не помню сегодня ни местонахождения монастыря, ни названия иконы. И вот в один прекрасный день возле особняка С.М. Шапшала в Вильнюсе остановилась легковая машина и в дом гахама зашёл епископ. Он попросил у Шапшала, чтобы тот дал аудиенцию архиепископу Ялбжиковскому, и получил на то согласие. В назначенное время архиепископ прибыл к Серае Марковичу и от имени Папы Римского поблагодарил гахама С.М. Шапшала за ценную информацию. С тех пор архиепископ Вильнюсский и гахам всех караимов стали друзьями.

С.М. Шапшал был большим патриотом своего караимского народа, был примером для подражания. И сегодня, спустя 50 лет после его ухода из жизни, мы помним о нём и воздаём должное его благородным делам во имя жизни и благополучия караимов. И наши потомки будут помнить о Серае Марковиче Шапшале и его подвижнической жизни на благо караимов, будут изучать его труды, чтить его память и гордиться одним из лучших сыновей нашего древнего караимского народа.

Семен Юхневич (Тракай)

Гахан Шапшал и газзан Фиркович с караимскими детьми у Тракайской кенасы, 1945 г.

О НАГРАДАХ И ГРАЖДАНСКИХ ЧИНАХ С. М. ШАПШАЛА

Дорогие читатели, позвольте начать эту заметку с вопроса к вам: кто из вас при рассмотрении фотографий Шапшала (см. фото, помещённые в этом номере) когда-либо задумывался над тем, какие же именно награды украшают грудь Сераи Марковича? Женщин, понятно, эти вопросы всегда занимали меньше, чем мужчин, - были бы награды и, чем больше их, тем лучше. Что касается мужчин, то многие из них сами проходили в молодости военную службу, а есть и такие, кто посвятил армии всю жизнь. Их наверняка интересовали большие звёзды и кресты, которыми был награждён Серая Маркович за свою долгую и активную жизнь. Во всяком случае, мой интерес к службе Шапшала в Персии зародился именно с рассматривания знаменитой фотографии 1908 г., на которой он изображён в торжественной позе, в мундире персидского генерал-адъютанта и при всех наградах, полученных им за семь с половиной лет службы при дворе наследника, а затем шаха Персии. Постепенно этот мой интерес вырос настолько, что я взял эту фотографию и отправил с ней в Исторический музей. И там сотрудник Отдела нумизматики Сергей Семёнович Левин любезно проконсультировал меня по части некоторых орденов и посоветовал обратиться по поводу Шапшала в Архив внешней политики Российской империи (АВРПИ). Так начался мой поиск материалов по теме «Шапшала в Персии», который в конце концов вылился в исследовательский труд и большую статью, напечатанную в различных изданиях (см. выше в статье «Шапшала в Персии»). Из архивных материалов я и узнал, что за время службы в Персии Шапшала получил от шаха следующие награды:

1. Орден «Льва и Солнца» 2-й степени (1901 г.)
 2. Орден «Льва и Солнца» 1-й степени (1905 г.)
 3. Звезда «Эмир Тумане» (190? г.)
 4. Золотой знак «Народное просвещение» 1-й степени
 5. Высший орден Персии «Тимсал» 1-й степени
- Также С.М. Шапшала был награждён российским правительством орденом «Святого Станислава» 2-й степени (1905 г.) и орденом «Святой Анны» 2-й степени (1908 г.).

Орден Льва и солнца II степени слева,
I степени справа

Знак ордена Св. Станислава
II степени

Знак ордена Св. Анны
II степени

Уже работая в Санкт-Петербурге, Шапшала получил орден «Святого Владимира» 4-й степени (1914 или 1915? г.) и сербский орден «Святого Саввы» 2-й степени (1916 г.), которым награждались, в числе прочих, и лица духовных званий за заслуги в области науки, образования и церкви. Скорее всего, Шапшала получил от сербов этот известный орден после избрания его в 1915 г. гахамом всех караимов.

И последний орден, который Шапшала получил в 1936 г. от польского правительства, называется «Полония Реститута» («Возрождение Польши»).

Мы пока ничего не знаем о медалях, которые видны на некоторых фотографиях Шапшала. Возможно, турецкие власти тоже награждали его за какие-либо заслуги перед Турцией. А заслуги у него несомненно были – ведь Шапшала был одним из участников грандиозной реформы турецкого языка, проходившей в Турции в 1920-х годах по инициативе и под руководством президента Турецкой республики Мустафы Кемала Ататюрка.

Теперь от наград Сераи Марковича Шапшала перейдём к рассмотрению его гражданских чинов, которые в монархической России чётко соответствовали Табели о рангах, определявшей соотношение чинов по старшинству и последовательность чинопроизводства. «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных» (полное наименование) – это закон о

Высшая награда Персии
орден ТИМСАЛ I степени

порядке государственной службы в Российской империи, утверждённый ещё Петром Первым 24 января 1722 г. Табель о рангах просуществовала с многочисленными изменениями вплоть до самой революции 1917 г.

Шапшал принадлежал к сословию потомственных почётных граждан. Это был особый привилегированный класс городских обывателей, сословная «прослойка» между купечеством и дворянством, и этому званию соответствовали согласно Табели о рангах чины с низшего 14-го по 9-й классы. Когда Шапшал после годичного прохождения военной службы вернулся в октябре 1900 г. в Санкт-Петербургский университет, он мог иметь чин коллежского секретаря (10-й класс) или даже титулярного советника (9-й). Но это лишь предположение. Возможно, он получил чин по 9-му классу только в 1909 г., когда вернулся осенью 1908 г. из Персии и приступил к работе в МИДе и преподаванию в университете. Во всяком случае, можно согласно документам точно утверждать, что в 1914 г. Шапшал был уже надворным советником, т.е. имел 7-й класс, который соответствовал воинскому чину подполковника или капитана 2-го ранга на флоте. А в 1917 г. Шапшал уже имел чин действительного статского советника. Это был 4-й класс, равный воинскому чину генерал-майора или контр-адмирала на флоте и дававший право на получение потомственного дворянства. Обращаться к Сергею Марковичу уже надо было «Ваше превосходительство».

В заключение можно лишь предположить, насколько успешно развивалась бы карьера 44-летнего Шапшала и дальше и каких бы высоких должностей он мог бы достичь в Российской империи, если бы она не рухнула в феврале 1917 г. Но поскольку Сергей Маркович был высокообразованным, талантливым и достаточно известным человеком, он быстро осваивался и находил своё место и в Турции, и в Польше, и в советской Литве – везде, куда забрасывали его бурные события XX столетия.

О.В. Петров-Дубинский

Знак ордена Св. Владимира 4-ой степени

Сербский орден Св. Саввы, которым Гахам Шапшал был награждён в 1916 г.

Звезда ордена Св. Владимира

Звезда ордена Св. Станислава для иноверцев

Польский орден Возрождения Польши - Полония Реститута - последняя награда Шапшала, 1936 г.

Обратимся ещё раз к статье Вилята Гулиева «Шапшал – азербайджановед или наши братья-караимы» и приведём отрывок, в котором объективно оценивается деятельность гахана по спасению караимского народа во время фашистской оккупации Литвы.

Фильм Стивена Спилберга «Список Шиндлера», удостоенный девяти «Оскаров» и более 60-ти других международных наград, известен всему миру. В этой замечательной картине на основе реальных фактов повествуется о подвиге австрийца Оскара Шиндлера (1908-1974), который, рискуя жизнью, в годы второй мировой войны спас от гибели около 1200 евреев. Ряд исторических источников дает основание говорить, наравне со «Списком Шиндлера», и о «Списке Шапшала», продиктованного столь же гуманистической и благородной целью. Именно благодаря дальновидности караимского лидера в период фашистской оккупации сотни его соотечественников смогли избежать кошмара концлагерей и страшной смерти в газовых душегубках. Как было отмечено выше, исходя из их вероисповедания, в большинстве случаев караимов отождествляли с евреями. Также известно, что крымские татары именовали своих тюркских соседей, параллельно с «караимами», также и «гара ягуди» «черными евреями».

Возведением антисемитизма в ранг государственной идеологии в 30-е годы прошлого века в таких европейских странах, как Германия и Италия, эта коричневая ксенофобия ничего хорошего не сулила самим евреям и малочисленным караимским тюркам, все еще идентифицировавшимся с иудаистами. Их духовный лидер Шапшал чутко разглядел надвигающуюся беду и сумел предпринять некоторые упреждающие меры.

Как пишут авторы ряда интересных исследований о караимах - А.Астахова и А.Сорин, еще в 1934 году по приглашению С.Шапшала в Вильнюс (ныне Вильнюс - В.Г.) побывали итальянские антропологи, проводившие демографические, антропологические и медикобиологические изыскания, связанные с караимами. В результате проведенных исследований они пришли к заключению, что караимы в расовом и этническом отношении не связаны с евреями. Позднее итальянцы опубликовали специальную статью на данную тему в римском журнале «Scientia» («Наука»). В сентябре 1939 года, когда захватившие Польшу фашисты начали творить невиданные зверства в отношении евреев, Шапшал, не теряя времени, прихватив с собой материалы о результатах упомянутых исследований, в начале 1940 года отправился в Берлин.

Благодаря связям и настойчивости, он смог получить в департаменте Восточных территорий официальную «охранную грамоту» третьего рейха, удостоверяющую нееврейское происхождение соплеменников. По свидетельству караимского исследователя Михаила Казаса, нацистское бюро, занимавшееся расовыми вопросами, не довольствуясь исследованиями итальянских коллег, отправило в Литву своих представителей. Они с настоящим немецким педантизмом вновь занялись выяснением расовой принадлежности местных караимов.

С этой целью немецкие специалисты дотошно изучили параметры и величину черепной коробки, строение лицевой части, глазниц, цвета кожи, форму волос, группы крови и прочие атрибуты объекта их

Гахан Хаджи Серая Шапшал с газзанами Шимоном Фирковичем (слева) и Рафаилом Абковичем (справа), 1940 г.

«научного» внимания. И только после этих усердных трудов приготовили соответствующий документ о принадлежности караимов не к семитско-еврейской, а тюркско-монгольской расе. Михаил Казас сообщает, что вся переписка караимского хакама с нацистскими антропологами до сих пор хранится в фонде С.Шапшала, находящемся в научном архиве Академии наук Литвы.

Позднее копии этой своеобразной индульгенции, полученной от фашистов, были размножены и розданы, по мере возможности, основной массе караимов. Понятно, что не всех удалось спасти. Однако сотни карайских тюрков, именно благодаря «Списку Шапшала», смогли избежать участи жертв Холокоста... Правда, нашлись люди, которые впоследствии расценили действия караимского хакама как шаг, направленный против еврейства. Евреи - раввинисты, чьи имена не попали в «Список Шапшала», обвинили последнего в сотрудничестве с фашистами.

Определенную пищу разговорам о том, что Шапшал является «человеком нацистов», давала ситуация, особенно в местах совместного проживания общины карайских тюрков и евреев - раввинистов (например Вильнюс - Вильнюс), когда первым оказывалось определенное покровительство со стороны нацистов, а вторые подвергались беспощадным преследованиям и расправам.

При таком стечении трагических и драматических обстоятельств благополучный исход судьбы лидера караимов в послевоенной, советизированной Литве, целым и невредимым увернувшегося от длинных шупалец советского КГБ и даже продолжавшего сотрудничать на общественном и академическом поприще, - все это может считаться чудом, или же очередным уму непостижимым зигзагом парадоксальной судьбы Шапшала, полной неожиданных поворотов».

О последнем литовско-польском и советском периоде жизни С.М. Шапшала (1928 – 1961 г.г.)

Редколлегия «Караимских вестей» ещё раз решила обратиться к статье тюрколога Виляята Гулиева «Шапшал – азербайджановед или наши братья-караимы»

«В 1928-1940 годах Шапшал занимается широкой общественной и научно-педагогической деятельностью: с одной стороны, как религиозный лидер караимов, с другой - как сотрудник польской, а затем Литовской академии наук. Он читает лекции в университетах Кракова, Варшавы, Львова, а последние двадцать лет жизни всецело посвящает сугубо научной деятельности. По инициативе и при деятельном участии С.Шапшала в Вильнюсе создается Караимский историко-этнографический музей. В этой связи он писал: «Находясь в 1928 году в Вильнюсе и работая над историей караимов, я собирал предметы материальной культуры этого народа, равно как и соответствующую литературу. Собранные экспонаты, рукописи и книги, с восстановлением в Литве советского строя в 1940 году, я принес в дар государству, образовав, таким образом, Караимский историко - этнографический музей, который вошел в феврале 1941 года в систему Академии наук Литовской ССР».

Основную часть экспозиции музея, построенного за счет личных средств и труда караимской общины, составляют рукописи, книги, памятники материальной культуры, этнографические образцы и др., которые Шапшал собирал на протяжении десятилетий. В 2003 году в Вильнюсе был издан каталог музея на литовском и английском языках в изысканном полиграфическом исполнении. Из сообщения сотрудницы музея Эльвиры Загрескайте «Иранские образцы в караимской коллекции», помещенного в интернет-портале «Литовские караимы» («Lietuvas karaimas»), явствует, что в экспозиции караимского просветителя нашли широкое место «редкостные книги, рукописи, образцы прикладного искусства, предметы утвари, приобретенные Шапшалом в Иране» (а точнее, в Южном Азербайджане - В.Г.), связанные с историей, культурой, бытовым укладом, этнографией азербайджанского народа.

Начало функционирования Тракайского караимского храма-кенаса, создание «Общества друзей караимской истории и литературы» в Вильнюсе также непосредственно связаны с именем Шапшала. В 1929 году он был избран членом-корреспондентом Польской академии наук, а в 1935 году - вице-президентом Польского востоковедческого общества. Львовский университет, высоко оценивая научные изыскания Шапшала, в 1930 году за исследовательскую работу «Карайи - караимские тюрки» присвоил ему ученую степень доктора философии по восточным языкам и литературе.

Кстати, в тот период кафедру восточных языков Львовского университета возглавлял один из известных государственных деятелей Азербайджанской Демократической Республики, генерал и профессор Садыкбек Агабеков. Хаджи Серайа хан Шапшал или, как его именовали в позднейшие времена, Сергей Маркович

Шапшал, проживший в Вильнюсе до конца своих дней - до 1961 года, многие научные труды, принесшие ему известность и славу, создал в столице Литвы. В 1939 году филологический факультет Вильнюсского университета избрал его экстраординарным профессором по специальности «восточные языки». Шапшал, с необыкновенным чутьем умевший приспосабливаться к политическим режимам и переменам общественно-политической ситуации, не испытывал особых затруднений и с принятием советской идеологии, по крайней мере, с внешним изъятием лояльности. Ради этого он даже формально отказался от звания хакама всех караимов - статуса духовного и светского лидера, предоставленного ему волеизъявлением сонародников. Хотя он и не вступил в ряды Коммунистической партии, но был принят в профсоюзную организацию работников высших учебных заведений и научных учреждений. В дальнейшем Шапшал не забывал особенно подчеркивать эту незначительную деталь своей богатой автобиографии в нужных ему моментах.

Объясняя причины своего ухода от миссии духовного предводителя карайских тюрков, С.Шапшал писал: «Став с 1940 года на путь советского ученого, я отказался от должности хакама, что официально подтвердил перед Уполномоченным по делам религиозных культов при Совете Министров Литовской ССР». Здесь Шапшал вновь с присущей ему ловкостью обходит молчанием очень важный этап своей жизни. На самом же деле источники свидетельствуют, что он до 1945 года неофициально продолжал исполнять обязанности духовного лидера польско-литовских караимов, а с началом второй мировой войны умело воспользовался возможностями и полномочиями хакама для предотвращения массового истребления представителей своего малочисленного народа в фашистских концлагерях, как евреев...

Его богатый личный архив, накопленный на протяжении семидесяти лет, в настоящее время хранится в Вильнюсе, в Институте истории Академии наук Литвы. Однако часть архива, преимущественно книги и рукописи, еще в 1957 году, по собственному желанию владельца были переданы в Ленинградское отделение Института востоковедения.

Шапшал подписывает договор о строительстве караимского музея в Тракае

Научное наследие Сераи Шапшала обширно и многосторонне. Свои труды он писал на русском, турецком, польском языках. Творчество ученого довольно широко и по тематическому диапазону. Оно охватывает историю, археологию, лингвистику, литературоведение, этнографию, текстологию, лексикологию, теорию и практику художественного перевода.

Шапшал вместе с Н.А.Баскаковым и А.Зайончковским был одним из составителей и редакторов 700-страничного «Караимско-польско-русского словаря», ценой больших усилий изданного в Москве в 1974 году. Этот труд, действительно плод огромной работы, служащий живому самостоятию карайско-тюркского языка, был осуществлен как совместный проект четырех научных центров - АН СССР, Польской, Литовской и Украинской академии наук.

Шапшал - автор множества научных работ, до сих пор остающихся в рукописном варианте - «Словаря

древнекараимского языка», «Турецко-польского словаря», «Хрестоматии» из избранных текстов на тех же языках, фундаментальной монографии «Караимы в Крыму, Польше и Литве» (машинопись на 312 страницах), десятков статей относительно истории, языка и культуры родного народа и других тюркских народов (хазар, куманов, крымских татар, османских турок). Из списка, составленного им самим, явствует, что из 73 научных работ автора 39 написаны на польском, 26 - на русском, по две работы - на турецком и татарском, по одной - на азербайджанском и французском языках.

Примечательно, что в 1973 году научная общественность не оставила без внимания юбилейную дату - столетие со дня рождения С.Шапшала, чаще всего представляемого деятелем советской тюркологии. В этой связи издававшийся в Баку журнал «Советская тюркология» поместил на своих страницах статью Н.А.Баскакова и М.С.Тинфовича о жизненном пути и научном наследии одного из выдающихся деятелей караимского народа в XX столетии».

Послевоенные поездки Шапшала и встречи с крымскими караимами

После окончания 2-ой мировой войны, когда Литва вновь стала советской, Серая Маркович Шапшал смог наконец приехать на свою родину в Крым. Мы не можем с достоверностью назвать тот год, в котором он в первый раз после долгих лет разлуки с родной землёй, опять увидел Симферополь, Евпаторию, Бахчисарай... Во всяком случае, Шапшал не был на родине более 30 лет и, можно себе представить, какие сильные чувства владели им, когда он вновь ступил на благословенную крымскую землю. Он мечтал об этом часе долгие годы эмиграции... По воспоминаниям Л.А. Ефетовой-Габай Серая Маркович приехал в Крым впервые после гражданской войны только в возрасте 80-ти лет, т.е. в 1953 г. За 5 лет до этого он уже приезжал в Москву по научным делам и, конечно же, встречался в столице с московскими караимами.

В Крыму Шапшала всегда встречали на вокзале родственники и друзья молодости. Серая Маркович обычно квартировал у своих близких. Например, в Симферополе он непременно останавливался на ул. Крылова у своих племянников Ормели. Детям Шапшал обязательно привозил и покупал конфеты, например любимые всеми малышами монпансье в круглых металлических коробочках. Хотя в те послевоенные годы все жили в очень стеснённых условиях, для Сераи Марковича всегда отводили отдельную комнату и старались обеспечить для него максимум удобств, окружали его теплом и заботой. Непременно к столу готовились разнообразные караимские блюда и сладости. И как только караимы узнавали, что приехал Шапшал, хотя он обычно просил никому не говорить о своём приезде, они под различными предлогами приходили в гости, лишь бы увидеть его и поговорить. Вот и мой дедушка Самсон Натанович Дубинский рассказывал нам с мамой в 1956 г., когда мы гостили у него в Бахчисарае, как тепло они с родными принимали Шапшала в гостях в нашем доме на ул. Милицейской дом 3. И как вместе они ходили на караимское кладбище Балта Тиймез в Иосафатовой долине у Джуфт Кале и как поминали там своих родных и близких.

Свои подробные воспоминания о встречах с Сераёй Марковичем в те годы оставили и племянник С.М. Шапшал, и Л.А. Ефетова-Габай, и В. Ю. Ормели, и др. родственники, соплеменники и не только караимы. Остались в семьях и любительские фото и устные воспоминания о встречах с Шапшалом. Так совсем недавно к нам в редакцию пришло по интернету письмо и фото от Игоря Александровича Шайтана из Симферополя. Он написал о встрече своего отца Александра Ильича Шайтана (1918 – 1981) с Сераёй Марковичем ещё в военном 1945 г.: *«Мой отец в конце Великой Отечественной войны служил военврачом в звании старшего лейтенанта в действующей армии 2-го Белорусского фронта, который освобождал Белоруссию и Литву. Однажды, когда его часть дислоцировалась в районе Вильнюса, он посетил на дому Сераю Марковича Шапшала, который показал отцу созданный им историко-этнографический музей*

С.А.Фиркович, И.Кайки, Р.И.Фуки, Б.Я.Кокенай, С.М. Шапшал (племянник), С.М. Шапшал на караимском кладбище в Ростове-на-Дону, 1959г.

и рассказал, как немцы во время оккупации пытались зайти в музей с целью захватить некоторые ценные экспонаты, но С. М. сказал: «Только через мой труп», и немцы в музей не зашли».

А присланная И. Шайтаном фотография оказалась уже из послевоенного времени, когда С.М. Шапшал и С.А. Фиркович в 1959 г., по дороге на юг посетили караимов Ростова/Дону. На ней запечатлена группа караимов, пришедших вместе с почётными гостями посетить родные могилы на ростовском караимском кладбище. Слева направо: уллу газзан С. А. Фиркович из Тракая, ростовчане врач И. Кайки, Р.И. Фуки и Б.Я. Кокенай, племянник Шапшала - Семён Михайлович Шапшал и сам Серая Маркович Шапшал.

Последний раз Серая Маркович побывал на родине в Крыму в 1959 г. (по некоторым данным в 1960 г.). Ему было уже 86 лет, здоровье часто подводило его. Там он сильно простудился и попал в больницу с воспалением лёгких. Шапшал предчувствовал, что эта поездка в родной Крым будет последней в его жизни. Так и оказалось - через 2 года Сераи Марковича не стало...

О.В. Петров-Дубинский

Ст. лейтенант А. И. Шайтан. Таким бравым офицером он появился в гостях у Шапшала

ВОСПОМИНАНИЯ 94-ЛЕТНЕЙ ТАМАРЫ СААДЬЕВНЫ БАБАДЖАН О ВСТРЕЧАХ С С.М. ШАПШАЛОМ

Моя первая встреча с С.М. Шапшалом произошла 65 лет назад в 1946 г. На караимскую пасху мы с мужем С.А. Бабаджаном поехали в Литву в Паневежис по приглашению Семёна Еремеевича Григулевича (родного дяди знаменитого разведчика Иосифа Григулевича), у которого прошло моё и моей сестры раннее детство в 20-х гг. (1922-24 гг.) и который заменил нам родителей.

Спустя 22 года после нашего возвращения в 1924 г. в Москву я уже будучи взрослой вновь поехала к Семёну Еремеевичу в Паневежис. Мы с мужем жили у него три недели, а, возвращаясь домой, заехали в Вильнюс на ул. Пионерии, к родственникам Робачевским и Шпаковским. Узнав, что Шапшал живёт недалеко от них – на Зверинце (так называется зелёный район Вильнюса, где раньше селились караимы), мы решили посетить его и познакомиться лично. И вот солнечным весенним днём мы приехали в гости к Серае Марковичу. Он по традиции сварил чёрный кофе и стал интересоваться нашими родственниками и московскими караимами. Когда он узнал, что я являюсь родной сестрой Б.С. Ельяшевича, он стал подробно расспрашивать о судьбе своего бывшего заместителя. Семён Аронович в это время с удовольствием осматривал восточные коллекции Шапшала. На прощание мы пригласили Шапшала навестить Москву, в которой он не был уже 30 лет.

2-я встреча с Шапшалом состоялась через 2 года уже в Москве. С.М. Шапшал вместе с С.А. Фирковичем приехал в столицу в июне 1948 г. по

своим делам и встречался со своим коллегой проф. Н.А. Баскаковым. Остановился Серая Маркович в доме у Исаака Семёновича Кобецкого, который жил с женой и двумя детьми (Майя и Володя) в 12-метровой комнатке коммунальной квартиры на Грузинской улице.

12 июня 1948 г. днём Шапшал приехал в гости навестить пожилого Евсея Исааковича Юткевича, жившего на Остоженке, и поздравить с днём рождения его племянницу Пилецкую Елизавету Осиповну. Туда же пришёл Илья Соломонович Кумыш с фотоаппаратом. Затем все вместе пешком отправились к Ельяшевичам, жившим по соседству на Кропоткинской в доме 12, где их уже ждали несколько караимов. Все были рады приветствовать Сераю Марковича, которому только что (21 мая) исполнилось 75 лет. Здесь Илья Кумыш и предложил всем вместе сфотографироваться. Фотограф долго рассаживал караимов, пытаясь уместить всех в кадр. Но у него так и не получилось сделать один общий снимок. Потом при печати фотографии Кумышу пришлось совмещать два кадра, чтобы сделать единое фото со всеми присутствовавшими на той памятной встрече караимами.

Октябрь 2011 г. Т.С. Бабаджан (Москва)

*На следующей странице
представлена фотография памятной встречи
московских караимов с С.М. Шапшалом
(из архива Т.С. Бабаджан)*

В квартире Саады Семёновича Ельяшевича и Бабаджанов на Кропоткинской. 12 июня 1948 г.

В верхнем левом углу помещено отдельное фото автора общей фотографии И.С.Кумыша.

Сидят слева направо: Ельяшевич (Юткевич) Евсей Исаакович, Бабаджан (Ельяшевич) Тамара Саадьевна с дочкой Юлией на руках, Теряки Марк Аникеевич, профессор Шапшал Серая Маркович, Фиркович Семён Адольфович - тракайский газзан, Бабаджан Семён Аронович, Ельяшевич (Койчу) Александра Ильинична (жена старшего брата Бориса Ельяшевича – Симы).

Стоят слева направо: Ельяшевич Анна Саадьевна (старшая сестра Тамары Саадьевны Бабаджан), Теряки (Бебеш) Б., Пилецкая Елизавета Осиповна, Кобецкая (Рофе) Татьяна Исааковна, Юткевич Михаил Гаврилович, Юткевич (Лопатто) Елена Гавриловна, Эрак Давид, Кобецкий Исаак Семёнович.

С ГАХАМОМ ХАДЖИ СЕРАЯ МАРКОВИЧЕМ ШАПШАЛОМ

В 1956 году впервые состоялось решение Президиума Академии наук СССР о научном изучении караимского языка, и мне как молодому тюркологу было предложено в Институте языкознания АН СССР, где Сектором тюркских языков тогда заведовала профессор Е.И. Убрятова, научное исследование этого языка.

Отсюда началась моя караимская эпопея, которая длится вот уже более 40 лет. Изучив литературу по караимоведению, я понял, что надо работу начинать с беседы с живым свидетелем и крупнейшим знатоком истории, языка и культуры караимов Серая Марковичем Шапшалом. Поэтому я поехал в Вильнюс на встречу с ним. Меня представил ему сотрудник нашего Сектора профессор Н.А. Баскаков, который раньше был с ним знаком. Таким образом, впервые я увидел С.М. Шапшала в апреле 1957 года.

Только что получив утверждение в ученой степени кандидата филологических наук за исследование по казахскому языку, я как романтик увлекся родственным караимским языком. С тех пор я ежегодно во время своих экспедиций к караймам (тогда Академия наук СССР была богата, и можно было отправляться в любую командировку или экспедицию) имел счастье беседовать по многу часов с этим поистине великим сыном караимского народа в Вильнюсе, Тракае, в Крыму.

Последняя наша встреча состоялась в 1961 году, когда, тяжело больной, он не вставал с постели в Вильнюсской больнице. Эта встреча оказалась для нас прощальной. В 1959 году в Евпатории Серая Маркович со вздохом, но совершенно спокойно говорил, что это его последняя поездка на родину — в Крым. Так и произошло.

Высокий и стройный, Серая Маркович, несмотря на красивую седую бороду, выглядел значительно моложе своего паспортного возраста. С первой встречи он располагал к себе дружелюбным характером, спокойным мудрым лицом. Он был внимательным хозяином у себя в доме к гостям, ровно относился к ним, не делая различий по их положению и возрасту.

Он жил в Вильнюсе за мостом, в Зверинце, на втором этаже деревянного дома, в небольшой, но уютной квартире, в которой были четыре маленькие комнаты: гостиная-кабинет, где он вел беседы с гостями, библиотека-музей, где была собрана богатая, пожалуй, уникальная литература по истории и культуре Крыма, маленькие спальня и кухня.

Он был тонким ценителем кофе. Каждое мое посещение непременно начиналось с угощения турецким кофе, которое Серая Маркович готовил сам: он сам жарил сырой кофе, сам молот его в медной ручной

кофемолке, сам готовил на газовой плите в медной джезве, все время помешивая его. При этом интересно рассказывал о свойствах различных сортов кофе.

Вместе со мною у Серая Марковича дважды побывали и моя жена с сыновьями. Он очень любил их, старался при каждой встрече подарить им какие-нибудь сувениры.

Его квартира представляла собой миниатюрный музей редких экспонатов. Сдав огромную коллекцию караимских вещей из своего музея в Литовскую Академию наук, Серая Маркович держал дома наиболее ценные предметы, книги, рукописи, которые он охотно показывал гостям. Каждый экспонат имел свою историю, о которой рассказывал хозяин.

Особенно интересными были уникальные мусульманские иконы. Только Серая Маркович, которому семья иранского шаха и высшее духовенство после многослойной всесторонней и длительной проверки оказали доверие как европейцу-нехристианину, мог приобрести в Иране эти иконы. О том, как он их собирал в Иране, он рассказывал интересные истории. А был он замечательным мастером рассказа.

В Европе никто о мусульманских иконах тогда еще ничего не знал. И вот, когда Серая Маркович вернулся из Ирана, академик В.В. Бартольд обратился к нему с просьбой выступить с докладом в Азиатском Музее. Когда тот согласился и назвал тему — «О мусульманских иконах», ему никто не поверил, так это было неожиданно. Некоторые, по словам Серая Марковича, даже поговаривали: «Шапшал после Ирана ходит какой-то не свой, у него, видимо, нервное истощение, поэтому-де ему что-то привиделось». Но когда Серая Маркович сделал свой доклад, эффект был ошеломляющим.

В 1957-58 годах «хрущевская оттепель» в Литве еще не ощущалась, и Серая Маркович во время одной из встреч доверительно показывал мне свою фотографию с расстрелянным во время сталинских репрессий крупнейшим тюркологом — академиком А.Н. Самойловичем, сделанную в Турции, и спрашивал, можно ли теперь о нем говорить и показывать людям эту фотографию. Получив ответ, что теперь можно говорить не только о А.Н. Самойловиче, но и обо всех репрессированных, он обрадовался, почувствовал себя свободнее и стал больше рассказывать о своих встречах и беседах с разными людьми.

Он с удовольствием показывал фотографию знаменитой балерины Анны Павловой с дарственной надписью и говорил, что она родственница караимов.

Он много рассказывал о своей командировке в Иран в качестве воспитателя шаха-наследника. Как его туда направили, как он там жил и работал — это много отдельных интересных историй.

Большевистский переворот в России застал Серая Марковича в Крыму, и он вынужден был срочно уехать в Турцию, а оттуда — во Францию, в Польшу, в Литву — это тоже занимательные рассказы.

К.М. Мусаев с Гахамом Хаджи С.М.Шапшалом

Главными научными темами в наших беседах с Серая Марковичем были проблемы истории, языка, культуры караимов. Мы с ним с участием работников Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР, Института языка и литературы Литовской Академии наук, а также профессора Н.А. Баскакова обсуждали проблемы изучения караимского языка. Было принято решение — коллективно, с участием советских и польских ученых создать академический караимско-русско-польский словарь. К тому времени у Серая Марковича накопилась большая картотека караимско-русского словаря. Я познакомился также с рукописью монографии Серая Марковича о караимах. Поскольку в то время еще не было академической грамматики караимского языка, на мою долю выпала работа над созданием «Граматики караимского языка», которая была опубликована в издательстве «Наука» в Москве в 1964 году...

У меня сохранилась запись голоса Серая Марковича — его исполнение двух караимских песен: колыбельной на тракайском диалекте и песни о герое русско-японской войны 1905 года поручике Тапсашаре на крымском диалекте. Тогда еще не было современных портативных магнитофонов, но у меня был большой тяжелый магнитофон, любезно предоставленный мне Литовской Академией наук. Я держал его в комнате, которую снимал у литовской семьи, и Серая Маркович и другие караимы приходили ко мне на запись.

Разбирая свой архив, я обнаружил чудом уцелевшие два письма, написанные мне Серая Марковичем...

У тех, кому посчастливилось общаться с замечательным человеком — Серая Марковичем Шапшалом, наверняка найдется много о чем рассказать.

К.М. Мусаев (Москва)

*Опубликовано в «Караимские вести»,
1997, №33*

В ГОСТЯХ У СЕРАИ МАРКОВИЧА ШАПШАЛА

Воспоминания главного редактора «Караимских вестей»

Летом 1959 г. моя мама Вера Самсоновна Дубинская, жившая со своим вторым мужем в Магадане, прилетела в отпуск, как говорили колымчане, на «большую землю». Отпуск у северян тогда был длительный и растягивался на несколько месяцев, потому что они отдыхали один раз в три года. Прежде всего, мама всегда прилетала в Москву, чтобы увидеться со мной. Потом она намеревалась объехать и повидать всех своих караимских родственников, а таковых у караимов, как все знают, найдётся всегда предостаточно. Тем более, что по линии моего дедушки Дубинского Самсона Натановича у нас было много родственников в Литве и Польше, а по линии бабушки Софьи Ароновны из рода Шапшалов – в Крыму и вообще по всему свету.

Я не видел маму ровно три года с её последнего отпуска в 1956 г., когда мы вместе гостили у моего дедушки в Бахчисарае. За эти три года я успел закончить не только школу, но и два курса Московского текстильного института, в котором, кстати, училась до войны мама, а отец преподавал на кафедре физики. Мы с мамой долго не могли наговориться и насмотреться друг на друга, вместе гуляли по Москве, ходили в гости к знакомым караимам, посещали музеи и выставки. Мама предложила мне провести с ней мои каникулы и поехать вместе в Литву, а потом – в Крым. Мне с большим сожалением пришлось отказаться от такого предложения, поскольку я тогда серьёзно занимался спортом, и меня ждал на Кавказе институтский спортивный лагерь. Но в результате маме удалось уговорить меня съездить на неделю в Литву, тем более

Старинный колокольчик, подаренный Шапшалом в 1959 г.

С.М. Шапшал в своей вильнюсской квартире-музее.
Снимок подарен племяннице в 1959 году

что я там никогда не был, а мама обещала познакомить меня со своим известным дядей Сераей (тогда многие звали его Сергеем) Марковичем Шапшалом. Она рассказывала, что он был очень знаменитым и объездил много стран, а дома у него настоящий музей и мне будет очень интересно там.

...И вот мы в Вильнюсе. Я тогда впервые был на западе страны в Прибалтике. Это для нас тогда была практически граница. Она произвела на меня неизгладимое впечатление, хотя я познакомился в тот раз только с Вильнюсом и Тракаем.

Мама заранее связалась с Сераей Марковичем, и он назначил нам время встречи. И вот мы у него в гостях в небольшой трёхкомнатной с кухней квартире на втором этаже старого, деревянного дома №14 на улице Блинджу. Названия улицы я тогда, конечно, не запомнил, как и многие подробности той встречи. Я был в то время 20-летним студентом-«технарём», которого мало интересовали воспоминания мамы и её дяди о караимских родственниках и знакомых. Поскольку я любил бывать в музеях, а квартира Шапшала напоминала именно настоящий музей, я стал с удовольствием рассматривать старинное оружие и картины, висевшие на стене, книги на разных языках в его большой библиотеке, восточную посуду, которая была похожа на ту, что я видел и которой пользовался в доме своего дедушки в Бахчисарае. Особенно меня впечатлило то, что на стенах было много разных караимских портретов, больших фотографий в рамках и пейзажей. Мне это напомнило наш московский дом, где тоже не было от картин свободного места на стенах, поскольку мой отец, хотя и преподавал физику в ВУЗе, был дипломированным художником и любил в свободную минуту писать пейзажи. Запомнилась также необычная резная мебель и большой деревянный сундук, весь украшенный перламутром. Потом Серая Маркович показал нам его содержимое и рассказал, что это – приданое невесты. Там были очень красивые старинные караимские наряды из бархата и парчи, отделанные золотым шитьём, жемчугом и даже мехом.

Мама рассказала тогда про старинную фесочку моей бабушки, всю украшенную золотыми монетками – монистами. Эти золотые монеты помогли выжить в голодные годы революции и гражданской войны, когда монеты одна за другой постепенно срезались с фески и продавались в самые тяжёлые для семьи моменты.

И тут я упомянул о подарке моего дедушки на моё 9-летие в августе 1948 г. – бархатном мешочке с серебряными царскими пятачками. Их было много, больше сотни. Как он их сберёг за 30 лет, прошедших после революции, я уже не помню, а, может быть, и не спросил его по малости лет. Но, приехав из Бахчисарая в Москву, я стал выменивать на них у мальчишек другие монеты. Так начала складываться моя коллекция, и я на всю жизнь увлёкся нумизматикой. Услышав, что я коллекционирую монеты, Серая Маркович показал мне свою коллекцию старинных восточных монет. Я тут же уткнулся в них и с огромным интересом рассматривал каждую монету, почти забыв о кофе, которым Шапшал угощал нас. Он самолично начал готовить его, лишь только мы переступили порог квартиры. Серая Маркович, как помню, поставил старинный кофейник на спиртовку и сварил крепкий восточный кофе, поинтересовавшись при этом, пьём ли мы чёрный кофе, и разлил его по маленьким чашечкам. Я ответил, что мой дедушка Самсон Наганович Дубинский любит и варит такой же крепкий кофе, и я пристрастился у него пить кофе по-турецки. Тогда Серая Маркович рассказал мне, что он благословлял моих дедушку с бабушкой, когда они вступали в брак в 1918 г. И они всегда при встречах пили из маленьких чашечек крепкий восточный кофе. Вспомнил Шапшал ещё и их последние встречи в Бахчисарае и походе на кладбище Балта Тиймез, о чём мы уже слышали от самого дедушки Самсона.

Запомнилось ещё, что водопровода и туалета в доме не было, и когда Серая Маркович попросил меня принести воды, я спустился во двор и набрал воду из колодца. Но зато при доме был свой фруктовый сад, и я даже нашёл на кустах несколько вкусных ягод.

Мы просидели у Сераи Марковича часа два, а, может быть, и больше. А когда прощались, он спросил меня: «Ну что тебе подарить на память?» и позвал меня в комнату. Затем достал откуда-то шесть старинных крымских и персидских монет. «Вот тебе на память о старике» - сказал он – «смотри, не потеряй». И положил их в спичечный коробок. Среди них была одна большая золотая монета, 4 серебряные и медная. Я привожу здесь их фотографии, как и снимок бронзового старинного колокольчика, который он подарил на прощание моей маме, взяв со своего рабочего стола. Мы обнялись напоследок, и мне запомнилась навсегда его густая седая борода. Ему было тогда уже 86 лет.

Больше мы никогда с ним не виделись. Через два года с небольшим его не стало. Это случилось 18 ноября 1961 г. У меня хранятся фотографии Сераи Марковича на смертном одре. Но я решил не помещать их здесь, поскольку он для всех нас остался навсегда живым.

Аверс монет Крымского ханства (вверху) и Персии (внизу), подаренных Шапшалом

Сегодня, по прошествии полувека я ясно осознаю, насколько значимой явилась для меня и моей судьбы та короткая встреча с великим (не побоюсь этого слова) караимом нашего времени. И ещё я немного расстраиваюсь, вспоминая наше посещение Сераи Марковича, и даже ругаю себя за то, что не расспрашивал его подробно о жизни и работе до революции и за рубежом. Ведь он был великолепным рассказчиком и обладал, несмотря на солидный возраст, просто феноменальной памятью. Правда, тогда я ещё очень поверхностно знал биографию Шапшала - только со слов мамы. Это сегодня я могу и сам долго рассказывать в подробностях о его жизни и отчётливо понимаю, что нам не хватило бы тогда и суток для его воспоминаний. А с другой стороны, он и не мог в то время рассказывать другим многие эпизоды своей яркой, насыщенной историческими событиями и встречами дореволюционной и зарубежной жизни. Не те были времена...

О.В. Петров-Дубинский

Реверс монет от Шапшала - Крымского ханства (вверху) и персидские (внизу)

С. М. ШАПШАЛ И ЕГО КОЛЛЕКЦИИ

Гахам Серая Маркович Шапшал (1873 - 1961) – яркая и неординарная фигура в отечественном и европейском востоковедении. Человек непростой судьбы, которая бросала в гущу политических и дипломатических хитросплетений в Персии, затем в Турции и в Польше, ставила духовным главой караимов, сначала в Крыму, затем в Литве, возводила на профессорскую кафедру.

Написано о С. М. Шапшале немало, но в большинстве своем это довольно краткие био-библиографические заметки в различных справочниках и некрологи, в основном не противоречащие друг другу. Расхождения наблюдаются в более подробных жизнеописаниях С. М. Шапшала – вот здесь и появляются следы мифов и слухов, источниками которых, судя по всему, были его политические враги (см. переписку А. Ф. Хашаба и А. Н. Самойловича в ОР РНБ; неопубликованную рукопись книги «Арабески» В. Н. Никитина, хранящуюся в Архиве Востоковедов ИВРРАН), а, как считают некоторые, называя его «злым гением»,^{□1} порой и он сам.

Цель данной публикации – не уточнение фактов биографии учёного, религиозного и политического деятеля, а краткое освещение одной, малоизвестной стороны его деятельности: Шапшал как коллекционер и судьба его коллекций. Он собирал книги, рукописи, монеты, культовые предметы.

На протяжении всей своей жизни С. М. Шапшал приносил в дар государству значительные части своей ценной коллекции. Так, например, в 1941 г. С. М. Шапшал принес в дар АН ЛитССР ценную научную библиотеку, состоящую из 3000 томов, а кроме неё ценную коллекцию предметов материальной культуры и восточных рукописных документов, которые составили Караимский Историко-Этнографический музей в городе Тракае (см. Seraya Szapszal's Karaim Collection. National Museum of Lithuania. Vilnius. 2003). Огромная научная и материальная ценность этого собрания неоднократно отмечалась многими учеными как АН СССР, так и АН ЛитССР и других научных учреждений. Значение Караимского Историко-Этнографического музея высоко оценивается также и зарубежными востоковедами.

Коллекция, о которой пойдет речь в моём сообщении, Серая Маркович собирал на протяжении многих лет, и она имела большую общенаучную ценность. В завещании учёного она была распределена следующим образом: 81 монета в Отдел Нумизматики (ОН) и 4 шамаила в Отдел Востока (ОВ) Государственного Эрмитажа (ГЭ); также было передано 20 редких восточных рукописей на арабском, персидском, турецком и азербайджанском языках в ИВАН СССР, подаренные в разное время С. М. Шапшалом.

Особую ценность в этой коллекции на сегодняшний день составляют шамаилы – шиитские иконы, изображавшие мусульманских святых и игравшие большую роль в

религиозной жизни персов. Такие иконы в Персии обыкновенно рисовались на холсте, доске, бумаге и стекле. Есть сведения, что первые шамаилы появились еще задолго до правления Шаха Аббаса (конец XVI – начало XVII в.), широкое же распространение они получили лишь при Насир-эд-Дин Шахе в середине XIX в., когда в Тегеране был открыт Дар-ал-Фунун (Дом Наук; 1851) и туда приглашались европейские ученые для преподавания, кроме того, представители персидской знати, регулярно посылались в Европу учиться разным наукам; некоторые из них впоследствии преподавали в Дар-ал-Фунун. Помимо мусульманских, изредка встречаются в частных домах и христианские иконы местной же мусульманской работы, образцом которых может случить изображение Девы Марии с Младенцем. Персы издавна знали о существовании икон у христиан, так как они были открытой формой религиозно-обрядового искусства. Ещё в XIII в. арабам и персам была известна византийская иконопись, через Сирию, достаточно хорошим примером этому служат иллюстрации к макамам (см. А. Я. Борисов. Миниатюры “Книги Макама” ал-Харири. Памятники эпохи Руставели. ГЭ. 1938; В. А. Крачковская. Миниатюры “Книги Макама” ал-Харири. Ученые записки ЛГУ. № 306. 1962).

В Европе до начала XX в. почти ничего не было известно о таком виде искусства у персов. Исключительная заслуга С. М. Шапшала в том, что он смог близко познакомить русских, а затем и европейских учёных, с шамаилами,¹² так как по словам С. М. европейцу, прожившему даже продолжительное время в стране, завязавшему знакомство с местными жителями и вхожему в частные дома, все же не удастся настолько завоевать доверие к себе, чтобы возможным было наблюдать строго замкнутую, будничную, не показную жизнь персидского дома, со всеми её особенностями, связанными с религиозными обрядами, суевериями и обычаями, составляющими, по словам персов,^{□□□} половину веры.

Во всех персидских домах, в каждой комнате, посетителю, прежде всего, бросается в глаза обилие в стенах «тагче» - неглубоких ниш, в которые ставят днем лампы, кладут книги и вообще всё то, что у нас помещается на столах, этажерках и полках. В одной из таких «тагче» иногда можно встретить нечто, одиноко прислонённое к стене и всегда бережно прикрытое полотенцем. Это шамаиль, - икона Алиа - изображающий повелителя правоверных, которого шииты причисляют к святым.

Относятся к этим иконам с большим благоговением и открывают их в очень редких случаях, например, на Ноуруз (персидский Новый Год), в новолуние, во

1 * Во многих мне известных источниках имя Шапшала пишется по-разному: Серайя, Серая, Серай, Сергей, Хаджи Серая Хан, Сурай-бей. После 1899г. в официальных документах он обычно именовался как Сергей Маркович, но я предпочел сохранить его подлинное караимское имя Серая.

время больших праздников, общественных и домашних событий. Всегда при этом совершается дестнамаз (омовение) и читается Пророку и его потомкам, и самое «поклонение» иконе называется зиярет'ом. Персы говорят, что в данном случае дестнамаз, то есть вузу хотя и не обязательно, как перед намазом, но лучше все-таки совершать его. Здесь уже несомненно мы имеем дело с новым явлением - почитанием икон и поклонением им.

Считаю уместным повторить здесь часть написанной Шапшалом статьи, посвященной 100-летию проф. В. А. Жуковского, где он рассказывает историю приобретения шамаилей: «Окончив университет <...> я получил по рекомендации Жуковского назначение в Тавриз, где должен был преподавать русский язык. Находясь в Персии, я вел с ним переписку. В одном из своих писем Валентин Алексеевич просил меня выяснить, что означает в разговорном языке иранцев слово шамаиль. Мне удалось узнать, что так называются художественные изображения мусульманских святых. Никто из тогдашних ориенталистов, в том числе и Жуковский, никогда не слышали о существовании мусульманских икон.

Однажды в Тавризе, находясь в доме своего друга-перса, я был введен в комнату, где раньше никогда не бывал. Там я заметил нишу с прислоненной к ней рамой, покрытой густой кисеёй. Я спросил хозяина дома, что это за предмет, покрытый кисеёй. Он подошел к нише, прошептал краткую молитву, снял покрывало, и я увидел изображение мужчины, сидящего на волосной шкуре и держащего на коленях меч с раздвоенным концом (зульфикар). Вокруг его головы был нимб, как и на христианских иконах. По форме меча я сразу же догадался, что это изображение Али. Я сразу же написал об этом Жуковскому. В ответ он усиленно просил меня во что бы то ни стало раздобыть такую икону.

В Тегеране, я совершенно случайно, проходя мимо одного антикварного магазина [летом 1905 г.], в окне увидел завешанную сверху донизу картину. Слегка отогнутый кончик покрывала позволил мне увидеть очертания колен и лежащего на них меча с раздвоенным концом, доставшегося Али, по преданию, от самого Мухаммеда. Я сильно сомневался, продаст ли хозяин магазина чужестранцу мусульманскую икону. Но моя барашковая шапка персидского покроя и знание персидского языка не делали меня похожим на «ференги», то есть европейца. Я заговорил с хозяином магазина так, как обыкновенно говорят мусульмане, когда покупают экземпляр Корана. Дело в том, что спрашивать, сколько стоит Коран, нельзя, так как это является богохульством. Поэтому, войдя в магазин, я задал вопрос: «что я должен подарить Вам в обмен за уступку мне иконы?». Мне ответили: «20 туманов» (40 рублей на тогдашние деньги).

Немедленно я сообщил о своём приобретении Жуковскому и он с нетерпением ждал моего приезда в Петербург. Вернулся я только осенью 1908 г., к тому времени купив ещё несколько икон» (см. Восточный

сборник Общества Русских Ориенталистов. 1913; Работы и отечественные материалы секции истории искусства. Т. II. 1934; Очерки по истории русского востоковедения. 1960).

Вернусь к передаче дара С. М. Шапшала. Профессор Константин Ромуальдович Лопатто, согласно воле покойного, был его душеприказчиком, который и передал коллекцию по назначению. 81 монета, часть которых была приобретена у одного турецкого нумизмата - 56 редких монет Турции и Крыма - при одобрении акад. В. В. Бартольда, приезжавшего из Петрограда-Ленинграда в Стамбул по делам Академии, где проживал Шапшал с 1919 г.

В июне-июле 1962 г. монеты были приняты по акту № 283 в отдел нумизматики ГЭ; коллекцию принял тогда заведующий ОН - Алексей Андреевич Быков.³ В её состав входили семьдесят три серебряных куфических дирхемов, одна серебряная монета арабского наместника Табаристана Омара ибн ал-Ала, две турецкие серебряные монеты Османа II и Абдалхамида II, один гирей, серебряный, плохой сохранности; одна серебряная монета Нидерландской Индии, одна турецкая медная монета султана Урхана, одна медная монета - перешеканка персидской монеты с изображением льва и солнца, и неопределенная одна медная монета плохой сохранности (см. А. А. Быков. Новые поступления. Сообщения Государственного Эрмитажа. XXVII. 1966).

Как отмечают современные специалисты, с точки зрения сегодняшнего дня нумизматическая коллекция Шапшала требует значительных оговорок, другими словами, на сегодняшний день она не представляет такой, безусловно, большой ценности, какой являлась в своё время, сыграв большую и полезную роль для науки.

По тому же акту № 283, были приняты в ОВ 4 шамаила, нарисованные на картоне. Они все опубликованы в книге А. Т. Адамовой «Персидские рукописи, живопись и рисунок XV – начало XX века. Каталог коллекции», изданной ГЭ в 2010 г. В своей статье А. А. Быков писал об этих шамаилах: «по исполнению шиитские иконы не могут сравниться с тонкой техникой персидской миниатюры, но они представляют большой интерес как памятники персидского народного творчества». Принимала их главный хранитель ОВ – Анна Павловна Султан-Шах.²⁴

Существует расхожее мнение, что 44 папки, в которых помещалось всё научное наследие С. М. Шапшала было передано в ИВАН СССР. Считаю своим долгом развеять этот миф. Как известно, в 1962 г. на основании принятого решения созданной комиссией президиума АН ЛитССР и АН СССР была идея передать научное наследие учёного, однако эта идея реализована не была, хотя для этого и была создана подробная опись всего

2 ** См. статью С. М. Шапшала. Мусульманские святые в художественном изображении шиитов Персии. Восточный сборник. Т. I. 1913.

фонда и написано в черновом варианте постановление о передаче. Передали лишь 20 восточных рукописей (сейчас насчитывается в хранилище ИВРРАН 32 ед. хр.). В упомянутую Комиссию входили от СССР: со стороны ИВАН - академик А. Н. Кононов (председатель), С. Г. Кляшторный и Ю. Е. Борщевский, которые описывали фонд, со стороны АН - В. И. Неупокоев и К. М. Мусаев. 44 папки были переданы в АН ЛитССР. Из них определёнno представляют научный и исследовательский интерес следующие: переписка 4 – 5 тыс. писем с 1898 по 1961 - 12 папок, персоналии – 3 папки, научные труды – 9 папок, коллекции восточных рукописей – 3 папки, работы и бумаги др. лиц – 3 папки., фотографии – 4 папки, печатные материалы – 1 папка.

Завершая свой рассказ о посмертном даре профессор С. М. Шапшала, хочу сказать, что ни с монетами, ни с шамаилами, ни с чем-либо другим, что ему напоминало о России, он не расставался ни на минуту, будь то революционное время 1917 г., бегство из России в Константинополь в 1919 г., или жизнь в Литве в 1930х-1940х гг. В этих вещах он пронес через всё это время память о своих учителях, которые дали ему знания и абсолютно новую жизнь.

(Endnotes)

¹ См. следующие материалы: переписка В. Ф. Минорского и А. Е. Крымского в ОР ИЛ АН Украины; статья М. Б. Кизилов. Новые материалы к биографии С. М. Шапшала в 1928-1939 гг. М. 2002. и т.д.

² Вопрос по сей день недостаточно изучен. О шамаилах существует несколько сообщений и статей самого С. М. Шапшала и Д. О. Васильевой, сотрудника ОВ ГЭ, написавшей в своей статье (*Third Biennial Convention on Iranian Studies*. Тбилиси. 2007) о шамаилах, которые хранятся в коллекции ГЭ (4 шт.), РНБ (4 шт.) и МАЭ РАН (5 шт.).

³ А. А. Быков (1896 – 1977) – один из крупнейших специалистов по восточным монетам. Отец Андрей Григорьевич Быков, дворянин, военный педагог I кадетского корпуса. До ухода на пенсию в чине полковника (Коллежского Советника) в 1909 г., работал смотрителем СПб. казённых театров. Умер в 1914 г. Мать - Ольга Фёдоровна, домохозяйка, умерла в 1942 г. Алексей Андреевич родился 19 мая 1896 г. в Петербурге. Кроме него в семье было ещё 2 брата и 2 сестры. Учился в Пажеском корпусе с 1910 по 1913 г., затем поступил в Институт Путей Сообщения, где проучился с 1913 по 1917 г., после чего перешёл на прославленный Факультет Восточных Языков Петроградского Университета, где слушал лекции В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, Р. Р. Фасмера. С февраля 1919 по декабрь 1921 г. служил в Красной Армии в чине унтер-офицера (гардемарин). Когда возвратился с войны, вернулся и в ПУ, на Факультет Общественных Наук, который и закончил в 1923 г. по специальности арабская история и филология. Одно время работал в библиотеке ГАИМК. В 1924 г. поступил на работу в ГЭ, в ОН, где проработал до 1975 г. Незадолго до войны А. А. Быков был избран Ученым Советом ГЭ

профессором. В июне 1941 г. организовывал процесс эвакуации ОН в Свердловск и затем доставку нумизматических коллекций обратно в Ленинград и приведение их в порядок. Исполнял обязанности заведующего отделом Свердловского филиала ГЭ. После смерти А. Н. Зографа и А. А. Ильина, с 1945 г. назначен зав. ОН, на посту которого прослужил вплоть до 1974 г. Будучи специалистом необычайной эрудиции, разносторонних способностей и знаний, владея многими восточными и западноевропейскими языками, досконально зная историю искусства, неоднократно являлся редактором многих нумизматических изданий. Воспитываясь с детства в семье тесно связанной с театром и искусством, А. А. Быков с детских лет серьезно занимаясь музыкой, хорошо играл на рояле, сочинял музыку, писал стихи и прозу, неплохо рисовал. Умер 27 января 1977 г. в Ленинграде.

⁴ А. П. Султан-Шах (1892 – 1978) – крупный специалист по искусству Востока. Отец, армянский дворянин, Павел Семёнович - полковник, работавший в Главном Артиллерийском Управлении, потом на Трубочном и на Путиловском заводах. Умер в 1920 г. Мать – Сусанна Ильинична, домохозяйка, умерла в 1943 г.

В семье Анна Павловна была первой из пяти дочерей. Училась в знаменитой гимназии Марии Николаевны Стоюниной с 1907 по 1912 г. В 1913 г. работала в детском саду. С 1914 по 1916 г. была слушательницей педагогических курсов Фребелевского общества. Ушла оттуда с 3 курса. С 1918 по 1921 г. работала в библиотеке Ереванского Университета. С ноября 1923 г. работала в ГЭ в ОВ; долгие годы была главным хранителем ОВ. Особенное внимание она уделяла коллекции восточных ковров. Была неизменным консультантом и участником всех экспозиций Отдела. Работала до своей кончины. Одной из главных её заслуг было спасение музейных ценностей в период с 1941 по 1945 г., в блокадном Ленинграде: она участвовала в эвакуации музейных коллекций и в приемке их обратно, и в восстановительных работах, проводившихся в ГЭ после войны. В тяжёлые дни блокады особенно ярко проявились черты характера А. П. Султан-Шах. Так, она спасла восточно-туркестанские фрески, в этом ей помогли Александра Михайловна Аносова, Ольга Эрнестовна Михайлова и Тамара Демьяновна Фомичёва. Потеряв родных, близких, тяготы войны не сломили её духа: с присущей чуткостью и вниманием, готовностью всегда, в любую минуту, прийти на помощь, обладая безграничной душевной щедростью, она заботливо помогала всем тем, кто из научных сотрудников-коллег оставался в осаждённом городе перенести трудности блокады. Была награждена многими медалями и званиями. Умерла 14 апреля 1978 г. в Ленинграде.

Большую благодарность автор данной статьи приносит Людмиле Николаевне Ворониной, ведущему методисту Научно-Просветительского Отдела ГЭ, за консультацию о А. П. Султан-Шах и Константину Валерьевичу Кравцову, заведующему Сектора монет Античного мира и стран Азии и Африки ОН за предоставленную информацию о монетах из коллекции С. М. Шапшала.

В.М. Дзевановский (Санкт-Петербург)

Об авторе Викторе Дзевановском

Виктор Михайлович Дзевановский, родился 14 июля 1985 года в Ленинграде. Начальное образование получил в школе им. Д. К. Ушинского, среднее - в той же школе, но получившей имя академика Д. С. Лихачева. Полное среднее образование закончил в школе со специальным классом, обучение в котором было направлено на развитие творческого потенциала. Одновременно учился в музыкальной школе по классу виолончели. После школы работал сначала на заводе, затем на телеканале. В 2005 г. поступил в колледж Культуры и Искусства по классу хорового дирижирования, а в 2007 г. в Оптико-Механический колледж на курс фотографии, в котором получил профессию фотографа. В 2008 г. пришёл работать в Государственный Эрмитаж в Сектор музейной безопасности, где и работает в настоящее время.

В 2011 г. Виктор поступил в Университет Культуры и Искусства по курсу музееведения, т.к. с детских лет он увлекался историей. Также принимал активное участие и в школьных художественных и музыкальных кружках, выступал на различных театральных и концертных площадках Петербурга, Москвы и Европы, снимался в кино.

Первая публикация Виктора вышла в 2007 г. в газете «Смена» в колонке «Культура» по случаю фестиваля «Новая Музыка», организованного СПб консерваторией им. Римского-Корсакова. За ней последовали и другие. В 2011 г. вышла его первая научная статья, посвященная истории востоковедения в России. В настоящее время он готовит к печати ряд

Молодой автор Виктор Дзевановский из Санкт-Петербурга

научных статей по истории иранистики в России и по русскому Зарубежью. Летом 2011 г. собирая материалы о С.М. Шапшале, Виктор работал в его вильнюсском архиве. За неоценимую помощь в работе, которую оказала ему зам. Директора архива Рима Циценене, Дзевановский просил передать ей через наше издание огромную благодарность так же, как и членам Московского общества караимов Тамаре Саадьевне Бабаджан и Олегу Васильевичу Петрову-Дубинскому за предоставление своих караимских библиотек для его работы. Эту просьбу Виктора редколлегия выполняет с огромным удовольствием.

Редколлегия

ПОЧТОВЫЕ КОНВЕРТЫ С ПОРТРЕТОМ С.М. ШАПШАЛА

В 2011 году мы с семьей снова побывали в Тракае на курсах караимского языка. В один из дней Ромуальд и Юлия Тинфовичи пригласил нас посетить свой дом. Мы с удовольствием пришли к ним в гости. Среди многих караимских материалов, которые нам показывали, Ромуальд достал и два конверта с портретом С.М. Шапшала, которые он купил на одном из караимских общественных мероприятий. Мне захотелось иметь такие же в своей коллекции и я решил поискать их в Вильнюсе. Раньше Литва выпустила скромный конверт с изображением Тракайской кенеса, но эти конверты были намного красивее. На главпочтамте их не оказалось и о них там ничего не знали, но сказали, что в соседнем магазине есть специальный прилавок, где продаются коллекционные открытки, конверты, значки и марки. Найдя этот прилавок, я долго искал в ящиках с сотнями коллекционных конвертов, нужные мне, но нашел только один из конвертов. Когда я спросил у продавца о другом из «шапшаловских» конвертов, он по

Chadži Seraja Chan Šapšalas
1873 05 08 - 1961 11 18
Karamų dvasininkas, istorikas, filologijos mokslų daktaras. Studijavo Peterburge, dirbo Tebrize (Iranas), Stambule, Bursoje (Turkija). Nuo 1928 m. gyveno Vilniuje. Karamų istorinio ir etnografinio muziejaus įkūrėjas.

Конверт 1

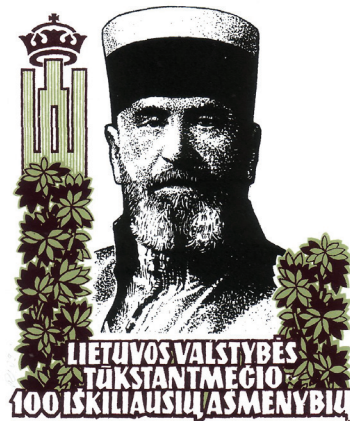
телефону связался с автором и тот на следующий день из своего архива привез последние конверты, которые я с радостью и купил у него.

В Литве сейчас получило развитие авторское искусство создания конвертов для коллекционеров. Самым плодовитым художником в этой области в Литве является Антанас Шакалис 1938 года рождения. Он учился в Вильнюсской Академии Художеств на факультете графики и в Московском

кинематографическом институте на художественном отделении. И вот он выпустил две серии конвертов 100 выдающихся деятелей науки и культуры Литвы, в которые вошел и Серая Маркович Шапшал. Одна из серий 2008 г. выпуска приурочена к 1000-летию первого упоминания Литвы в письменных источниках, вторая серия была выпущена в 2010 г.

На обоих конвертах написан один и тот же текст: «Хаджи Серая Хан Шапшал (1873.05.08 – 1961.11.18). Глава караимов, историк, доктор филологии. Учился в Петербурге, работал в Тебризе (Иран), Стамбуле, Бурсе (Турция). С 1928 г. жил в Вильнюсе. Создатель караимского историко-этнографического музея».

Есть у Антанаса Шакалуса конверты, посвященные 600-летию переселения части караимов и татар в Литву. Он сделал цветной каталог своих работ и имеет сайт www.filop.org, где выставлены его конверты, в том числе и один конверт, посвященный С.М. Шапшалу.

Chadzi Seraja Chan ŠAPŠALAS

1873 05 08 - 1961 11 18

Karaimų dvasininkas, istorikas, filosofas, filologijos mokslų daktaras. Studijavo Peterburge, dirbo Tebrize (Iranas), Stambule, Bursoje (Turkija). Nuo 1928 m. gyveno Vilniuje. Karaimų istorinio ir etnografinio muziejaus įkūrėjas.

А.А. Бабаджан (Симферополь)

Конверт 2

ДЕНЬ ПАМЯТИ ШАПШАЛА В ЛИТВЕ

18 ноября 2011 г. община литовских караимов отметила 50-ю годовщину со дня смерти выдающегося учёного-тюрколога и духовного лидера (гахам) караимов России, а потом Польши и Литвы, Сераи Марковича Шапшала (1873-1961). Несмотря на интересные, подчас драматические подробности жизни, которая прошла в царской и советской России, Персии, Турции, Польше и Литве, где он занимал высокие посты в государственных структурах, а также вёл научную работу по специальности, до сих пор не написана его подробная биография, а прошлые попытки не отражают всех моментов его насыщенной событиями жизни.

Здесь хочу только напомнить, кто были его родители. Серая Шапшал родился в большой караимской семье в Бахчисарае 21.05.1873. Его отцом был Марк Шапшал, который имел надел земли и занимался садоводством и исполнял функцию габбая, т.е. казначея местной караимской общины. Его мать Акбике-Тоты происходила из семьи Казас. Он был последним ребёнком в семье и лишился матери в 9-месячном возрасте. Поэтому его воспитанием занимались старшие братья и сёстры. Думаю, что многие читали, знакомы с его биографией, поэтому я останавливаться на ней не буду.

Хочу рассказать, как Литовская караимская община отметила 50-летие со дня смерти этого великого человека. На день годовщины был заказан автобус для всех желающих посетить могилу гахама на Вильнюсском караимском кладбище. Автобус взял пассажиров сначала в Тракае, потом на железнодорожном вокзале в Вильнюсе и прибыл к воротам кладбища. Большим количеством цветов – белых роз и хризантем прибывшие

украсили могилу Сераи Марковича и его жены Веры Исааковны. Иосифом Фирковичем была зачитана поминальная молитва.

После церемонии на кладбище автобус доставил караимов в тракайский ресторан караимской кухни «Кыбынлар», где Юрием Шпаковским была прочитана поминальная молитва. В ресторане были приготовлены пирожки с капустой, творогом, шпинатом, кубете с рыбой, салаты морковные и свекольные. К чаю и кофе были поданы катламки – пирожки треугольной формы с творогом (по Галицкому рецепту). Было предложено и красное вино. Со словом о Шапшале выступил гахан Марк Лавринович. Он рассказал вкратце о его трудной жизни, полной благородной деятельности, и о его вкладе в науку по вопросам религии и языка, которые Шапшал считал важными для караимского народа. Лавринович подчеркнул, что Шапшал был исключительно талантливым учёным и духовным человеком.

Я тоже взял слово и рассказал отрывок из книжки-дневника Шимона Пилецкого «Хлопец з Лесник», в котором автор рассказал о том, как был организован день рождения Сераи Шапшала – его 70-летие. Это было время немецкой оккупации, но, тем не менее, 23 мая 1943 г. в вильнюсской кенаса было организовано богослужение – тефинла, после которого все собрались в мидраше. Там его эксцеленция обратился к молодёжи и подчеркнул, что особое значение имеют в жизни религия и язык, которые соединяют отдельные группы в союзы, именуемые народами.

Потом воспоминаниями о встрече с Серая Шапшалом поделилась Анна Шпаковская, как в 1959г. они с женихом пришли к профессору домой, чтобы

пригласить его на свою свадьбу. (Рассказ об этом случае был опубликован ранее в «Караимских вестях» - Прим. ред.).

Лидия Машкевич также рассказала о встречах с Шапшалом. Она училась тогда в гимназии, и по воскресеньям молодёжь собиралась около его дома. Он рассказывал им о караимской религии, языке, литературе и т.д., знакомил с экспонатами своего домашнего музея. Шапшал встречался и с молодёжью иных национальностей, например, с гимназистами-иезуитами и многими другими. При встрече с гаханом молодые ребята независимо от национальности целовали ему руку.

В завершение встречи своими воспоминаниями о Шапшале поделился Александр Юткевич, который рассказывал о гахане на караимском языке.

Многие узнали о Шапшале все присутствовавшие на этой встрече, услышали о том, каким высоким авторитетом он всегда пользовался,

особенно в годы немецкой оккупации, и как он умел мужественно преодолевать любые жизненные трудности.

Последние годы своей жизни Шапшал жил на втором этаже старого деревянного дома, все удобства в котором, включая колодец и туалет, были во дворе. Но когда он выходил на улицу, тут же отовсюду сбегалась детвора, зная, что у него в кармане всегда лежат для них конфеты, и никто не останется без лакомства. И всех детей он ласково гладил по голове.

Мне посчастливилось всё это видеть своими глазами, поскольку мы с семьёй жили в этом же доме на первом этаже. И мы всегда восхищались этим мужественным и благородным человеком, которому в ту пору было уже далеко за 80 лет. Столь достойно могут пройти свой жизненный путь только такие сильные люди, каким был Серая Маркович Шапшал.

Ромульд Шпаковский, (Вильнюс), 20.11.2011

САМЫЕ ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ ИЗ ТРАКАЯ: ТОРЖЕСТВЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПОСВЯЩЁННЫЕ ШАПШАЛУ

Когда наш памятный номер «Караимских вестей» уже готовился к выпуску, из Литвы пришло сообщение о том, что 28 декабря 2011 г. в 14-00 по местному времени в г. Тракай состоялась торжественная церемония открытия мемориальной доски, посвящённой С.М. Шапшалу. Памятная доска установлена на здании

Караимского этнографического музея (ул. Караиму, 22), который самим своим существованием полностью обязан беспримерным трудам Серая Марковича. В момент снятия с доски покрывала Георгий Лавринович прочёл короткую поминальную молитву (сагьынч). На церемонии присутствовали местные караимы, а

Караимы собрались во дворе музея на открытие мемориальной доски

также министр культуры Литовской республики, мэра Тракая, директор Караимского музея, который открыл это торжественное мероприятие. Галина Кобецкайте рассказала присутствующим о жизненном пути и заслугах Сераи Марковича Шапшала. Литовское телевидение подробно снимало церемонию и в тот же день этот сюжет был показан в вечерних новостях.

В самом музее открылась экспозиция, посвящённая памяти С.М. Шапшала. Посетители смогли познакомиться с редкими фотографиями, личными предметами и другими вещами, принадлежавшими Шапшалу, а также приобрести медали и значок с изображением Гахана, также приуроченные к 50-ой годовщине со дня его смерти.

Затем гости были приглашены в мидраш (караимская школа на ул. Караиму, 28), где состоялась презентация новой книги о гахане Серае Шапшале. Книга отлично издана, содержит много интересных материалов о Серае Марковиче и богато проиллюстрирована многими фотографиями Шапшала. Такую книгу, надо полагать, захочет иметь в своей библиотеке каждый караим. Но очень обидно, что она издана лишь на литовском языке и все караимы в Украине, России и других странах лишены возможности близко познакомиться с её содержанием. Будем надеяться, что скоро состоится её издание и на русском языке. Русскоязычные караимы могли бы оказать в этом важном деле любую нужную помощь.

И в заключение сообщаем сайт наших караимов в Литве и Польше www.karaim.eu.

Главный редактор О.В. Петров-Дубинский по информации, полученной как и фото от нашего постоянного корреспондента в Литве Ромульда Шпаковского (Тракай)

Начало торжественной церемонии. Слева направо: зав. администрации мэрии, мэра Тракая, Галина Кобецкайте, директор музея и министр культуры Литвы

Георгий Лавринович читает сагъынч - поминальную молитву

Памятные медали и значки, посвящённые Шапшалу

Мемориальная доска, посвящённая Шапшалу. Текст на литовском и караимском языках

Главный редактор – О.В. Петров-Дубинский

Зам. главного редактора – А.А. Бабаджан

Члены редколлегии:
И.М. Реброва, И.Б. Новак, Б.С. Таймаз

Вёрстка: Г.А.Бабаджана (Симферополь)

Адрес для корреспонденции:
Россия 117393, Москва,
ул. Арх. Власова, д. 45, кв. 104,
Петрову О.В.

Тел. +7 499 724 5962,

моб.тел +7 916 922 0561,

e-mail: litavrus@mail.ru

Скайп litavrus

*Коллектив редколлегии вестника выражает искреннюю
благодарность всем авторам, приславшим свои статьи,
воспоминания, фотографии, и многим другим караимам,
бескорыстно помогавшим готовить этот памятный
номер «Караимских вестей».*